

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

АНДРЕЙ БУТОРИН
ХОЗЯИН ГОРОДА
МОНСТРОВ

FUTURE CORP.

Метро

Андрей Буторин

**Метро 2033: Хозяин
города монстров**

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Буторин А. Р.

Метро 2033: Хозяин города монстров / А. Р. Буторин —
«АСТ», 2017 — (Метро)

ISBN 978-5-17-106053-4

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают Вселенную «Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности на Земле, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Жизнь в Великом Устюге вроде бы наладилась, насколько это вообще возможно в полуразрушенном постапокалиптическом городе. Казалось бы, живи да радуйся. Но, как оказалось, за спокойную жизнь снова нужно бороться – в соседней Лузе появился тот, кто назвал себя «хозяином города монстров». И хозяйничать он вознамерился не только у себя дома.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106053-4

© Буторин А. Р., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Чужой?.. Свой?	7
Пролог	9
Глава 1	13
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	32
Глава 5	39
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Буторин
Метро 2033
Хозяин города монстров

Серия «Вселенная метро 2033»

© Д. А. Глуховский, 2017

© А. Р. Буторин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Чужой?.. Свой?

Объяснительная записка Вадима Чекунова

Так уж сложилась моя жизнь, что приходилось жить и работать в странах, где я всегда выделялся среди местного населения. Не просто телосложением, а буквально всем. Африка и Азия не давали мне шансов затеряться в толпе и сойти за своего. Помимо внешности, были и другие причины. Я сознавал, что всегда буду чужаком, белой вороной, «заморским дьяволом» в этих краях – как бы хорошо я не говорил на местных языках, как бы глубоко не знал историю и культуру этих мест... Так уж устроен мир. Во всяком случае, значительная его часть. Это не вызывало во мне горечи или сожаления, но причиняло душевное неудобство – тебя постоянно разглядывают, бес стеснения обсуждают и ты, скорее всего, воспринимаешься ими не совсем как человек.

Когда вернулся на родину, после долгих лет на чужбине, мне показалось, что дома, наконец, отдохну. Ведь дома все свои. Отоспавшись с дороги, решил прогуляться по городу. Вышел на улицу. Стояла чудесная осень. Раньше не любил ее, но после адского пекла южных стран стал ей наслаждаться. Дождь кончился рано утром. Проглянуло солнце. Желтая краска облетевшей листвы заляпала мокрый асфальт двора. Смуглый человек размашистыми движениями метлы собирал ее в кучу. Пока я созерцал труд дворника, ему на подмогу явилось ещё несколько коллег, один темнее другого. Двор мигом наполнился оживлённым «вар-вар-вар!» и жестикуляцией, которая, как ни странно, не мешала им стребать листья на носилки. Вот она – ирония судьбы. Столько лет прожить вдали от дома и обнаружить, что иные чужаки уже давно обосновались здесь. Вставил в уши наушники-затычки. Отыскивая в плеере подходящую настроению песню, вышел со двора.

Под цоевскую «Кукушку» направился к метро, отмечая по пути нашествие Азии на некогда типичный московский район. На детской площадке сидели молодые парни. Все, как один, в узких спортивных брюках и остроносых туфлях. Кто на скамейке, кто рядом на корточках. Их степные лица бронзовели от октябрьской прохлады и пива. Чуть поодаль, возле песочницы, стояла пара женщин в платках и длинных пальто. Одна из них что-то рассказывала, другая кивала и улыбалась золотым ртом. Вокруг них, подбрасывая кленовую листву, вперевалку бегали головастые дети. Плосколицые, темноглазые – неотличимые от китайчат, которых я насмотрелся за годы на чужбине.

Будущая смена, новое лицо города. Пока обособленная, она лишь присматривается раскосым оком к новым владениям. Сидит за кассами, стоит за прилавками, снуёт по дворам и стройкам. Изображает японских официантов и самураев в напиханных повсюду «Тануках» и «Япошах».

Усмехнулся – ведь в моих наушниках пел своим характерным речитативом кореец Цой... Я спустился в подземный переход. Там, в зыбком сумраке, продавал мочалки и бусы пухлый щекастый человек кофейно-молочного цвета, с чалмой на голове и воловьим взглядом. Его неотличимый на первый взгляд подельник стоял неподалеку на шухере, высматривая в толпе опасность. Из толчеи прокуренного перехода я выбрался на небольшую площадь возле метро. Возле ротонды метро, неподалёку от цветочных киосков, кружком стояли пузатые кавказцы в кожаных куртках нараспашку. К заплотонившим площадь азиатам-рекламщикам добавился чёрный, как сапог, негр-студент с печальными желтоватыми глазами. С опаской взирая на прохожих, он пытался всучить им какие-то буклеты.

Новый Вавилон.

Ощутил себя иностранцем в родном городе. На мгновение стало неуютно и тоскливо. Сумею ли ужиться с новой реальностью? А куда деваться... Тем более, дома, у кровати

с ребенком, ждала жена, привезенная мной из Поднебесной... Я и сам, с семьей, теперь частица этого Вавилона...

В общем, такие вот воспоминания и зарисовка из жизни получились у меня после прочтения «Хозяина города монстров». Нет-нет, совсем не потому, что я под впечатлением книги уподобил приезжих монстрам, а себя возомнил хозяином. Просто каждый из нас воспринимает текст по-своему. Кому-то ближе динамичные экшн-сцены, кому-то важно подметить перемены в героях или оценить полет авторской фантазии... Я больше всего люблю наблюдать за отношениями героев. Сердцу моему ближе оказалась затронутая автором проблема «а сможем ли мы ужиться?»

Кто эти «мы», с кем и как нам предстоит жить, что такое ксенофобия и с чем ее едят, и чем вообще все закончится – на все эти вопросы лишь предстоит найти ответ.

Выражаю признательность моему сыну Денису за бета-ридерство и помощь в предварительной редакции романа

*Куда я, зачем? Можно жить, если знать.
И можно без всякой натуги
Проснуться и встать, – если мог бы я спать,
И петь, если б не было вьюги.*

В. С. Высоцкий

Пролог

– Едут, – просипел Авдей. Он хотел сказать это хладнокровно, с пренебрежительным оттенком, но голос предательски дрогнул, губы вдруг онемели, а горло будто стиснуло железным кольцом.

Одетый в серое, в разводах засохшего пота холщовое рубище и грязные, обтрепанные до середины голеней штаны, он стоял со скрещенными на груди руками, прислонившись спиной к почерневшей от времени бревенчатой стене амбара. Рядом торчали воткнутые в землю вилы.

Возле него – кто, как и Авдей, подперев амбар, кто присев на корточки, кто просто стоя, – ждали все одиннадцать дееспособных мужиков деревни Матвеевская. Чуть в сторонке стояли и две бабы – Варька по прозвищу Лешая и рябая Степанида, которую все звали Степахой – для Степаниды она была чересчур шебутной. И та, и другая, словно ружья по команде «на плечо», держали по косе-литовке.

Разумеется, все они – и мужчины, и женщины – были мутантами. Ближе к Великому Устюгу таких называли «дикими», в отличие от живущих в самом городе «цивилизованных» мутантов-морозовцев. Но здесь, возле Лузы, куда не совались каратели храмовников, такого деления не существовало – и сельские, и городские мутанты имели одни и те же права, если не учитывать, конечно, что такого понятия, как «право», в городе Луза не имелось в принципе. Кто сильнее – тот и прав. И на данный момент самым сильным, а значит, и самым правым объявил себя некто Серп – тридцатипятилетний лузянин, подчинивший своей воле большинство городских отмороzków. Насчет силы еще можно было поспорить – наверняка и в самой Лузе, и в ее окрестностях было немало народа и посильнее его, но вот по части жестокости он, пожалуй, и впрямь занимал первое место даже среди самых изощренных палачей. Излюбленным орудием пыток у него был простой крестьянский серп, из-за которого, собственно, самопровозглашенный хозяин Лузы и получил свое прозвище. Со своим «тезкой» он никогда не расставался – носил его, как правило, заткнутым за потрескавшийся от времени солдатский ремень с потускневшей бляхой, который, в свою очередь, застегивал поверх чего-нибудь обязательно камуфляжного – будь то летняя или зимняя куртка, а то и – в особо жаркие дни – всего лишь майка. Столь же обязательным в экипировке Серпа был генерал-майорский погон – всегда один, непременно на левом плече. А вот головные уборы «полугенерал» не признавал – ввиду того, скорее всего, что в отличие от большинства жителей, потерявших из-за радиации волосы, имел роскошную черную шевелюру, в которой не просматривалось ни единой серебряной ниточки.

Прибытия Серпа как раз и ждали сельчане. Ждали – как приближения неизбежного зла, оставляющего после себя боль, голод и смерть.

Перевалил за середину сентября. Каждый год в эту пору лузяне делали набеги на близлежащие села, куда можно было добраться по дороге, которую дальше, по направлению к Устюгу, давно уже отвоевал у людей лес.

В деревнях только что собрали скудный урожай, который ежегодно и забирал Серп. Поначалу он поступал «по совести», оставляя половину, затем треть, потом четверть селянам, чтобы те не протянули с голоду ноги. Но в прошлом году, обнаглев окончательно, хозяин Лузы отобрал у них всё. Неизвестно, понимал ли он, что поступает так во вред себе же, ведь мертвецы не смогут сеять зерно и сажать картошку, а значит, взять с них в следующий раз будет нечего. Скорее всего, не понимал. По части думанья он вообще не являлся большим умельцем, особенно когда это касалось чего-то, отдаленного по времени более, чем на неделю-другую.

Зато жители Матвеевской и расположенной неподалеку Емельяновской, видя, куда дует ветер, еще пару лет назад стали прятать часть урожая, выкопав в лесу и замаскировав подземные схроны. Правда, зерно и овощи в них частично сгнивали, но оставалось хотя бы что-то. С учетом того, что «милосердно» оставлял Серп, этого едва хватало, чтобы не умереть до лета. Или, по крайней мере, умереть не всем. Но прошлую зиму не пережили многие – из стариков и вовсе остался один на две деревни. И терпение у деревенских мутантов лопнуло. Они решили не отдавать Серпу ничего, биться до последнего за каждое зернышко. Пусть они при этом даже погибнут – какая разница, когда умирать: сейчас или месяцем-другим позже? Терять им было уже нечего.

– Едут, – словно эхо, повторил за Авдеем тощий, долговязый Семён и покрепче сжал в по-птичье мухлех трёхпалых ладонях черенок вил.

На дороге показались четыре телеги. Запряженные в каждую по одной худющие лошади трусили неспешно, нехотя, словно понимая, что несут с собой беду.

– К Межнице уже подъезжают, – слотнул горбатый, с полностью покрытым коростами лицом Степан. – Хошь бы утопи в ей, ироды...

– Утопнут, ага, – буркнул Авдей. – В Межнице и кура утопнет, тока ежели держать головой книзу.

– Эх, надо было хошь што-нить прикопать в лесу, – вздохнул кто-то. – Ни с чем ить сей год останемся...

– Для кого прикопать? – насупился Авдей. – Для мышей с червяками?.. Останется он! Кто тебя оставит-то, дурень? Теперя тока одно – либо мы их, либо они нас. Не дотумкал ишшо?

– А где-ка емельчане-то? – заоглядывался молодой однорукий Лёха. – Прибздели, што ль, кинули нас одних туттока?

Будто услышав парня, из-за амбара вышло семеро мужчин – кто с косой, кто с вилами, а кто и просто с заостренным колом в руках.

– Здорово, – кивнул самый крупный из них – бородатый, хоть и лысый, как все остальные. Посмотрел на дорогу, нахмурился. – Аккурат поспели...

Жители Матвеевского приветственно закивали в ответ.

– Пспели, пспели, – сняв с плеча литовку, ворчливо откликнулась Степаха. – Шибко спешили, гляжу. Ишшо бы поваландались – пспели бы, штоб наши косточки прикопать.

– После ваших и до наших бы косточек дотянулись, нас бы ждать не стали, – ответил кто-то еще из вновь прибывших.

– Хорош заупокойную разводить, – выдернул из земли вилы Авдей. – Пушай лузяне по своим панихиду справляют. А ну, собрались все!

Двадцать деревенских мутантов – восемнадцать мужчин и две женщины – выстроились возле амбара, держа наготове нехитрое оружие: вилы, косы и колья. Сказать, что они не боялись, было бы неправдой. Напротив, большинство из них считало, что жить им осталось совсем недолго. Но и то правда – терять им уже было нечего, кроме своих жизней, а умереть быстро куда лучше, чем перед смертью несколько мучительных дней страдать от голода. Уж на подобное-то они насмотрелись.

И всё-таки надежда уцелеть, отбиться от незваных гостей и сохранить урожай теплилась в каждом из этих угрюмых, обезображенных мутацией, почерневших от лишений и тягот людей. Их уродливые лица заметно посветлели, когда четыре подводы въехали в деревню – на каждой телеге сидело всего по двое лузян, и только на первой, включая самого Серпа, их было трое. Считать из селян почти никто не умел, но даже те из них, кто не смог бы назвать количество пальцев у себя на руке, видел, что лузян меньше. Правда, у двоих

из них имелись ружья, но даже деревенские жители знали, что в Лузе в последнее время ощущался недостаток не только еды, но и многого другого, в том числе и патронов. Вполне вероятно, что патронов у прибывших бандитов было всего на один-два выстрела, а может, ружья и вовсе взяты просто для остротки. Деревенские не знали, что за пазухой Серп всегда носил пистолет, но что в нем осталось только три патрона, знал вообще лишь он один.

Да и самого-то бандитского главаря видели до этого далеко не все селяне; прежде Серп не принимал участия в подобных вылазках лично, это сейчас ему вдруг захотелось размяться, как он сказал своим подчиненным. На деле же ему попросту стало страшно: едва ли не впервые Серп понял, что есть зимой будет нечего. Разве что пойманную рыбу и добытое охотниками зверье, но заниматься каким-либо отличным от разбоя трудом бандиты отвыкли, а многих жителей из тех, что этим занимались, они поубивали – кого забавы ради, кого потому, что, на их взгляд, те «несправедливо» делились с ними добычей. Озаботиться же тем, чтобы, по крайней мере, набрать и засушить грибов, которых в местных лесах имелось в избытке, почему-то не приходило Серпу в голову вообще.

Потому и сидел он теперь на передней подводе. Когда возница остановил лошадь, не доезжая шагов десяти до сельчан, Серп спрыгнул с телеги и, увидев перед собой насупленные взгляды встречающих и недвусмысленно направленные в его сторону «орудия труда», невольно сунул руку за пазуху. И всё же он не мог до конца осознать, что кто-то осмелился пойти против него. Все прошлые годы подобные «сборы урожая» происходили без каких-либо препятствий – во всяком случае, его люди ни разу ни о чем подобном не докладывали. Поэтому, собственно, он и не стал брать большую группу; восьмерых как раз хватало на четыре подводы: по одному, чтобы править лошадьми, и еще по одному – придерживать мешки и следить, чтобы не растерять по дороге продукты.

«Да ну, на хрен, – подумал Серп. – Просто эти жуки навозные сено косили, а тут мы нагрязнули». Он мог бы, наверное, вспомнить о том, что косить в сентябре не станет даже последний деревенский дурачок. Но мысль о сенокосе всё-таки немного притупила нарастающую тревогу. Правда, в эту его теорию плохо укладывались заостренные колья в руках у некоторых сельчан, поэтому вскоре тревога нахлынула с новой силой. А тревожиться хозяин Лузы не любил. Поэтому, оставив всё же на месте пистолет, он вместо него вынул из-за пояса любимый серп и, вертя его рукоять в ладони, сделал пару шагов вперед. Сплюнул, обвел взглядом нестройный ряд деревенских мутантов и процедил, будто вновь плюнул:

– Чё встали, твари? Людей не видели?

– Так и мы не лошади, – мрачно пробурчал на это Авдей. – Говори, кто таков и што вам тут надобно?

– Че-во-о?... – прищурился Серп и обернулся к своим, четверо из которых уже слезли с телег и подходили к нему. Один из них снял с плеча двустволку. – Не, вы слыхали? Тут кто-то вякает! – Он резко повернулся к Авдею: – У тя чё, язык слишком длинный? – и поднял серп. – Давай сюда, укорочу.

– Иль говори, што нужно, иль езжайте, откуда приехали, – покраснел от напряжения Авдей. На изъеденной язвами лысине прозрачными бусинами выступил пот.

– Я сказал: давай сюда язык, – прошипел Серп, впившись взглядом в селянина. И вдруг завопил так, что вздрогнули даже вставшие за его спиной бандюганы: – А ну, высунул язык, падла!

Двое бандитов, не дожидаясь команды, бросились к Авдею. Один схватился за вилы, которые растерявшийся крестьянин не успел пустить в ход, и выдернул их из его рук. Второй двинул Авдея в челюсть прикладом ружья и пнул сапогом в голень мутанта. Авдей с перекошенным от боли лицом рухнул на колени.

Серп тут же подскочил к селянину и въехал ему коленом в подбородок. Из рта Авдея вместе с брызгами крови и осколками зубов вырвался крик. Замахнувшись серпом, завопил и главарь бандитов:

– Язык! Я сказал: высунь язык!!!

Авдей инстинктивно пригнул голову. И тут что-то сверкнуло над скрючившимся на коленях мутантом. Его лысина вмиг покраснела от плеснувшей на нее сверху крови, а перед собой Авдей вдруг увидел полные изумления глаза своего мучителя. Тот почему-то смотрел на него снизу, из кроваво блестящей травы. Авдей глянул вверх. Главарь лузян продолжал возвышаться над ним, только вдруг стал ниже ростом. Как раз ровно на голову, которая и валялась теперь у колен мутанта. А еще через пару мгновений, будто пытаясь вернуть свое, на нее рухнуло и обезглавленное тело.

– Так-то лучше, – глянув исподлобья на окровавленное лезвие своей литовки, проворчала стоявшая позади Авдея Варька Лешая. – Тож язык шибко длинен был... – А потом она, крутанув косой и сверкнув на своих гневным взглядом, истошно завизжала: – Пошто пнями застыли?! Руби-коли лешаков!

Варька первой ринулась на лузян, но грохнувший дуплетом выстрел из двустволки отбросил ее назад, к амбару. Но это уже не могло остановить взорвавшихся единым ревом злобы и ненависти, рванувшихся к врагам деревенских мутантов.

Глава 1

Иван Андреевич Кардаш

Иван Андреевич Кардаш не любил север, ему всегда было здесь холодно, даже летом. Он кутался во что попало, надевая одна на другую разношерстные одежды, ничуть не беспокоясь, что выглядит порой, словно пугало.

Он не любил север с тех пор как себя помнил, с раннего детства, хоть и родился здесь же, в Лузе. Но едва научившись читать, а было это задолго до школы, года в четыре, и прочитав о теплых морях и жарких странах, маленький Ваня твердо решил: как только вырастет – сразу уедет отсюда на юг. Свою мечту он почти осуществил. Правда, сначала уехал хоть и южнее, но не очень далеко – поступил после школы, которую закончил с золотой медалью, на мехмат МГУ. В Москве было не намного теплей, поэтому после окончания университета он не остался, хотя и мог, в столице, а перебрался в Ростов-на-Дону. Помыкавшись по частным фирмочкам, прибился в итоге к такой конторе, которая вскоре стала одной из ведущих не только в области, но и на всем юге России. Иван Андреевич к десятым годам нового века занимал на фирме немалую должность и не только получал удовлетворение от работы, но и имел весьма неплохой доход. И тогда он сделал еще один шаг навстречу своей детской мечте – построил шикарный дом на берегу Черного моря, в местечке Гизель-Дере неподалеку от Туапсе, где и проводил – сначала с женой, а после развода уже один, изредка выпадающие недели отдыха. О жарких странах он больше почему-то не думал, почувствовав, что нашел именно то, что ему по душе и по сердцу. Теперь его мечта окончательно сформировалась: поработать лет до пятидесяти пяти, скопить средств для безбедной, пусть и без особого шика, жизни и перебраться в Гизель-Дере насовсем. Море, солнце, беззаботная нега – больше ничего ему не нужно для счастья.

Но судьба распорядилась по-своему. Умер отец, и Кардаш поехал в Лузу, где не бывал уже добрый десяток лет. А на следующий после похорон день случилась Катастрофа – для Ивана Андреевича не столько всемирная, сколько своя, личная, разбившая в зыбкую снежную пыль его почти что сбывшуюся мечту.

Кардаш не впал в депрессию, не спился, не покончил с собой – он, озлобившись на подлую судьбу и очерстнев душой, стал жить подобно умному, осторожному волку-одиночке, безжалостно выгрызая себе зубами в жестоком новом мире место под солнцем.

А в Лузе царил полный беспредел – погибнуть от шальной пули, ножа или тупого, безжалостного избиения группой озверевших отморожков было куда проще, чем найти хоть какое-то пропитание. В городе то и дело происходил дележ власти, если можно назвать властью верховодство вожака над дикой стаей. К тому же таких стай и стаяк было множество, и каждая считала себя главной. Радиация, пусть и не столь сильная в Лузе, чтобы косить всех подряд, между тем также творила свое черное дело. Наиболее слабые, в основном, пожилые и дети, умерли в первые годы после Катастрофы, выжившие же в подавляющем большинстве превратились от излучения в покрытых язвами и коростами лысых уродов. Рождаемость резко упала, но даже те, кому «повезло» появиться на свет, почти стопроцентно были мутантами – с недостающими или, напротив, лишними конечностями, горбатые, безухие-безглазые; все аномалии сложно описать, фантазия у радиации оказалась неистощимой.

К тридцатым годам население Лузы, состоявшее теперь почти из одних бандитов, уменьшилось настолько, что делиться на «стаи» отморожкам стало практически невозможно. Этим и воспользовался один из наиболее жестоких вожаков – Серп, уничтожив самых строптивых и подмяв своей волей всех остальных. Но действовать в одиночку было опасно и

сложно даже ему. Хотя Серп и не отличался гибкостью ума, его всё же хватило, чтобы понять: нужны люди, на которых можно было бы положиться, не держа при этом ствол пистолета возле их виска. «Силовым заместителем» Серпа стал немногим менее жестокий, чем он сам, некто Сургуч, получивший свое прозвище благодаря «изысканному» способу затыкать глотки особо говорливым. Но сила силой, а иногда Серпу позарез требовалась холодная, расчетливая голова – некоторые задачи нахрапом не решались. Такой головой для самопровозглашенного хозяина Лузы и стал Иван Андреевич Кардаш, который не делал ничего серьезного, предварительно не рассчитав и не взвесив. Его советы были незаменимы в наиболее сложных ситуациях. Правда, Серп не всегда прислушивался к ним, всё равно считая самым умным и правильным только себя. Особенно когда дело касалось «внутренних» проблем, которые Серп решал, как правило, с помощью угроз, издевательств и физических расправ, не делая исключения не только для рядовых бандитов, но даже и для своих приближенных. Нет, Кардаш единственный, пожалуй, всё-таки являлся таким исключением: Серп мог его оскорбить и унижить, но силу к Ивану Андреевичу ни разу не применял.

Мало того, осознавая исключительную полезность Кардаша, Серп в порыве внезапной щедрости сделал ему шикарный подарок, разрешив поселиться в одном из немногих каменных (Луза состояла преимущественно из деревянных, одно- и двухэтажных домов), уцелевших от междоусобных войн зданий. Помещение бывшего «Сбербанка» в былые времена казалось весьма импозантным и даже теперь заметно выделялось среди прочих. Достойным себя же Серп считал лишь трехэтажное здание из серого кирпича, которое некогда занимала Лузская районная администрация. Возле себя во «дворце» Серп держал только Сургуча и пару десятков самых отборных боевиков. Основная же масса бандитов жила в еще одном уцелевшем и довольно вместительном кирпичном здании – бывшей средней школе номер два.

Разумеется, Серп не отдал Кардашу здание банка в единоличное пользование. Но, по просьбе Ивана Андреевича, разрешил тому отобрать из общей массы бандитов тридцать человек в качестве своих непосредственных соседей и, так уж получалось, подчиненных. Кардаш подошел к этому отбору весьма серьезно. Он знал, что многие – пожалуй, большинство, мягко выражаясь, не очень любят своего предводителя, скорее, терпят исключительно из-за страха и отсутствия альтернативы. Это и стало первым параметром, по которому он выбирал людей. Вторым, не менее важным, для Ивана Андреевича было наличие у членов своей будущей команды – а именно это и являлось для него на данном этапе основной целью – более-менее развитого ума, умения логически мыслить. Так уж вышло, что отобранные боевики в большинстве своем оказались не особо физически сильными, поэтому Серп отдал их в подчинение Кардашу без малейших возражений.

Иван Андреевич не стал терять времени даром и начал своих людей... учить. Не убивать, не драться, не мастерить арбалеты и стрелять из них (огнестрельного оружия в городе и так-то было немного – вряд ли набралась бы и сотня ружей, – но главным дефицитом в последнее время стали патроны, которые у Серпа были на строжайшем учете). Нет, Кардаш учил подчиненных читать, считать, решать задачи – не только математические, но и логические. Ко всему прочему, он относился к членам своей команды хоть и достаточно строго, но уважительно, не оскорбляя достоинства и уж тем более не применяя физической силы. Нужно ли говорить, что привыкшие к издевательствам и побоям люди уже совсем скоро души не чаяли в Иване Андреевиче, считая его своим настоящим командиром, за которым они готовы были безоговорочно пойти в огонь и воду.

Иван Андреевич Кардаш и впрямь ничего не делал без предварительного строгого расчета. И это относилось не только к заданиям Серпа, но в первую очередь к его собственным как ближайшим, так и более отдаленным по времени, но порой весьма глобальным планам.

Одной из особенностей Ивана Андреевича, над которой кто за глаза, а кто и в открытую потешался (кроме, разумеется, тридцати его «учеников»), было то, что он не расставался с самодельным блокнотом, в котором то и дело что-то черкал карандашом. Кстати, именно так – Карандашом – его и звали многие бандиты, хотя «официальным» его прозвищем было Кардан. А вот сам он предпочитал обращаться к людям по имени или по фамилии, во всяком случае, к своим подчиненным – почти всегда так. Если что-то приказывал, в ход шла фамилия, если обращался неформально, называл человека по имени. Никогда не делал он этого лишь при общении с Серпом и Сургучом – не хотел, да и, говоря откровенно, стал уже забывать их настоящие имена, по которым к ним давно никто не обращался. Своих же мог назвать по прозвищу, лишь если его разозлят или просто в состоянии хандры. Интересно получилось с двумя его бойцами, у которых была одна и та же фамилия – Красновский. Прозвища оба, как специально, имели, по мнению Кардаша, совсем уж «неудобоваримые» – Жупень и Писун, – так что он стал называть одного Красновым, а другого Красницким, чтоб никому не обидно было. Ну и, поскольку правил без исключений не бывает, еще с одним его подчиненным всё получилось наоборот: тот имел неприличную с точки зрения Ивана Андреевича фамилию, а вот прозвище заработал шикарное – Оператор. Правда, для большинства бандитов это слово было непривычным, а половине – и вовсе неизвестным, так что прозвище вскоре трансформировалось до обычного Пирата, что в принципе звучало совсем неплохо. Так к нему стал обращаться и Кардаш. Казалось бы, к его глобальным планам это не имело никакого отношения, но с другой стороны – «как вы судно назовете, так оно и поплывет».

Первоочередной же глобальной задачей Иван Андреевич поставил себе ни много ни мало взять в Лузе власть. Обдумывая эту тему, он исчеркал немало страниц, пока его поначалу казавшийся авантюрным план не приобрел вполне реальные очертания. Разумеется, Кардаш понимал, что ни с того ни с сего он объявить себя новым хозяином Лузы не может. То есть, объявить-то объявит, но что за этим тут же неотвратимо последует – яснее ясного. Разве что не предугадать, какую часть его тела первой отрежет серпом настоящий главарь. Поэтому необходимым, но всё-таки не первоочередным пунктом плана было этого главаря убрать. А не первоочередным этот пункт являлся потому, что никто из бандитов Кардаша не поддержит, командиром над собой быть не позволит, и кончится это примерно тем же, что и в случае с живым Серпом – разве что оружие по его устранению окажется другим. Вот потому-то и начал Иван Андреевич с формирования своей, преданной ему до мозга костей команды. Заодно, через нее же, среди остальных бандитов стали сначала потихоньку, почти незаметно, а потом всё более явственно распространяться мысли о том, что Кардаш – человек не только умный, но и справедливый, своих людей защищает, а если наказывает – то за дело и не такими садистскими методами, как Серп. К радости Ивана Андреевича, Серп сам ему помогал, осложняя условия жизни своих подопечных, став еще более раздражительным и жестоким. То покалечит кого-то в порыве ярости, а то и вовсе забудет до смерти. Это уже не говоря о том, чтобы забрать себе у любого из бандитов всё, что ему понравится – такое никто и за ненормальность не считал. Когда Серп стал забирать у них и приглянувшихся ему женщин, соратники восприняли это уже не так спокойно – и всё же, скрипя зубами, терпели: наиграется и вернет. Но когда главарь, выйдя из себя из-за какой-то ерунды – не тем тоном ему женщина ответила, не так посмотрела, – убил сначала одну, а потом и другую «взятую в аренду» наложницу, среди подчиненных прокатилась волна явного, хоть пока и не высказанного напрямую недовольства.

Кардаш понял, что почва для осуществления его плана готова, оставалось дожидаться удобного случая, чтобы устранить основную помеху – Серпа – и желательно чужими руками. Конечно, Иван Андреевич рассматривал и вариант насильственного захвата власти. По его расчетам выходило, что напасть на резиденцию Серпа и убить его вполне возможно, под-

опечные Кардаша пойдут за ним и приказ выполнят. Но всё же основная масса бандитов, а главное, Сургуч и приближенные к Серпу люди, могут из-за такой «наглости» взбунтоваться и разделаться с ним по принципу «око за око». Нет, должен быть такой вариант, чтобы на самого Кардаша не легла даже тень подозрения. Но всё же полагаться на случай Иван Андреевич не любил, поэтому он и решил его подготовить. Пара дней размышлений, десятка три измалеванных непонятными значками, стрелочками и закорючками блокнотных листов – и решение нашлось. Точнее, даже три, в соответствии с тем, как станут развиваться события.

Конечно, разработка этого плана вряд ли была бы возможна, если бы Кардаш как следует не изучил психологию Серпа. Впрочем, особой сложностью она и не отличалась. А сейчас для Ивана Андреевича главными в натуре соперника и вовсе являлись всего три момента: во-первых, Серп зачастую поступал наперекор чужому мнению, особенно непрошенному (к советам Кардаша он чаще всего прислушивался, но лишь когда сам просил их дать), во-вторых, он сильно преувеличивал собственную значимость и считал, что одним своим присутствием внушает всем страх и жажду беспрекословного подчинения. Наконец, в-третьих, он вообще считал себя самым умным и хитрым.

Перевалил за середину сентябрь. Иван Андреевич знал, что со дня на день Серп отправит в ближайшие деревни своих людей за урожаем. Кардашу требовалось сделать свой ход непосредственно перед этим событием; важно было не только не опоздать, но и не совершить задуманное слишком рано – за два-три дня Серп может поменять любое решение.

К счастью, теперь у Ивана Андреевича были среди бандитов свои глаза и уши, и однажды ему доложили, что поездка за данью ожидается следующим утром.

Кардаш тут же направился к Серпу. Здание бывшей районной администрации находилось почти рядом с «дворцом», так что уже через пять минут он поднимался на третий этаж, где располагались апартаменты хозяина Лузы.

Серп только что поужинал и, к радости Ивана Андреевича, пребывал в благодушном настроении, что случалось не так часто, особенно в последнее время.

– Заходи, Карандашик, – развалившись в потертom кожаном кресле, махнул он рукой. – По делу или так, покалякать?

– В принципе, покалякать, – подошел и присел на краешек стула Кардаш. – Но, в общем-то, по делу.

– Давай, выкладывай, не менжуйся. Я добрый сегодня.

– Да я, наверно, зря всё это... – изобразил смущение Иван Андреевич. – Услышал просто, что завтра ребята по деревням поедут.

– С ними хочешь? Свежим воздухом подышать? А не замерзнешь? – гоготнул Серп, зная о нелюбви Кардаша к холоду.

– Да я бы и не замерз, сентябрь-то вон какой стоит, – мотнул тот головой на окно, в которое били багровые лучи заходящего солнца. – Настоящее, как говорится, бабье лето.

– Бабье?.. – с новой порцией смеха выплюнул бандитский главарь. – Так тебе чё, бабу захотелось? Об этом и покалякать решил? Или тебе помощник нужен, сам не справляешься?

– Пока справляюсь. Но речь не об этом.

– А о чем, мать твою?.. – начал вдруг хмуриться Серп. – Ты давай, не темни. Не люблю этого.

Кардашу было весьма кстати, что собеседник начал злиться – так он станет упрямей, – но ему очень не хотелось, чтобы настроение у того испортилось окончательно, тогда разговора может не получиться вовсе. И он поспешил перейти к делу.

– Я по поводу этой поездки. В Матвеевскую и Емельяновскую, как и в прошлом году?

– Ну, туда, – буркнул хозяин Лузы. – А тебе-то какая, на хрен, разница? Чё-то я не допру никак.

– Мысли по этому поводу появились. Вот и пришел поделиться.

– У меня своих хватает.

– И всё-таки выслушай. Ты ведь человек умный, вот и рассудишь, дело я надумал или ерунду. К кому я еще-то пойду? Да и решение всё равно тебе принимать, не мне же.

– Ясен пень, не тебе, – перестал супить брови Серп. – Давай свои мысли, покумекаем.

– Я хотел узнать, – подался к нему Кардаш, – ты опять всё хочешь у деревенских забрать, как и в тот раз?

– А чё, у нас жрачки до хрена, чтобы с этими обезьянами делиться?

– Видишь ли, – замялся Иван Андреевич. – Я насчет этого и сомневаюсь как раз. Может, оставишь им хотя бы... ну, пятую часть, не знаю...

– Не знаешь – и не суйся! – злобно блеснул глазами главарь. – Советчик, мать твою!.. Мои люди пусть, значит,дохнут с голоду, а обезьяны обжираются? Сомневается он! Пошел на хрен отсюда!

– погоди, Серп, не кипятись, – поднял руки Кардаш. – Я ведь не за деревенских переживаю, а как раз за наших. Вот поедут они, скажут, чтобы дереве... чтобы обезьяны отдали всё, что есть, а те возьмут и взбунтуются. Вот я за что переживаю. Ты уж отправь туда побольше людей на всякий случай, это я тебе и хотел посоветовать.

– А я спрашивал твоих советов? – всё еще сердито, но явно начиная остывать, буркнул Серп. – Переживает он!.. Это хорошо, что переживаешь, только не по делу сейчас. Чтобы мои бойцы каких-то чумазных уродов боялись? Ты за кого их держишь, за щенков сопливых? Да один мой человек десяток обезьян положит голыми руками. Только у нас ведь еще и стволы есть, а у тех что – вилы с граблями? Да они обосрутся от страха, когда наших увидят!.. Не, Карандаш, пургу ты сейчас гонишь. Я хотел пару десятков ребят завтра отправить, а теперь – нет, не стану. Спецом, чтобы тебе показать, пошлю по двое на подводу. И по одному бы отправил, да лошадей править и мешки придерживать одному несподручно. Так что... сколько там?... четыре телеги, по двое бойцов...

– Восемь... – упавшим голосом подсказал Иван Андреевич. – Эх, мало, Серп, мало! Хотя бы еще по человеку добавь.

– Ни хрена, – осклабился Серп. – Восемь.

– Ну, тогда отправь кого-нибудь поопытнее! – весьма натурально взмолился Кардаш. – Сургуча, например.

– Чего вдруг его?

– Так ведь он у нас самый опытный. И не боится ничего, ему сам черт не брат.

– Сургуч? – недобро прищурился главарь бандитов. – Самый опытный? Самый, мать твою, храбрый?

– Ну да...

– А я, по-твоему, уже так – языком только с такими, как ты, молоть годеи?

– Да ты чего, Серп? – округлил глаза Иван Андреевич. – О тебе и речи нет! Ясное дело, что ты всех круче. Только ведь ты, я надеюсь, сам с ребятами не поедешь? Не вздумай, Серп, не надо. Что ни говори, а всё равно это опасно.

– Да мать же твою так!.. – вскочил с кресла хозяин Лузы. – Достал ты меня, Карандаш, своим нытьем! Вот я теперь специально для тебя туда поеду. Иди, поплачь.

Плакать Кардаш не стал. Напротив, возвращаясь к себе, он не смог сдержать довольной улыбки. Всё получилось именно так, как он и рассчитал! Бандитов на подводах будет мало, а значит – велик шанс, что доведенные до крайности деревенские жители осмелятся дать им отпор. Им попросту нечего терять. Охотники рассказывали, что даже заяц перед лицом неминуемой смерти может в отчаянии дать отпор волку – начать колотить того лапами по морде. И ошарашенный таким поведением жертвы хищник случается, что и отступает. Так

то заяц, несмышленная зверюшка! А деревенские вовсе не обезьяны, как называет их Серп. Они – люди, а значит, кроме инстинктов у них есть и разум. И сообразить, что защитить себя могут лишь они сами, и что у них хватит на это сил, они должны.

«Они просто обязаны это сделать!» – подумал Иван Андреевич и, не сдержавшись, прошептал:

– Сделайте это, мужики! Обещаю: не пожалеете.

Глава 2

Прерванное обучение

– Гы... лы... а-аа... в-вв... а-а... Чего это? Кол какой-то... – шмыгнул длиннющим мясистым носом вспотевший от напряжения молодой, скособоченный мутант.

Слева и справа от него, заглядывая в книгу, на лавке за столом сидели еще двое учеников – плешивый мужчина лет сорока с бельмом на левом глазу и похожая на старушку горбатая девушка с редкими бесцветными волосами. Тоже, разумеется, мутанты – иные в лесных деревнях не жили.

– Это не кол, – вздохнула сидящая напротив них Саша. – Это цифра один, мы же в прошлый раз с вами проходили...

– А пошто тутока цифра? – подняла разноцветные – один карий, другой светло-серый – глаза девушка. – Это ж книга. Руман.

– Роман, – поправила Саша. – Но в романах тоже могут быть числа – если там что-то подсчитывают, например. А в нашем случае – это номер главы. Глава первая.

– Голова? – хмыкнул плешивый мутант. – Ежели первая, то ишшо и другая будет? Про двухголового, што ль, книжка-то? У нас корова телушку с двумя головами родила – та и дня не протянула, околела. А человек о двух головах – видано ли? Тож не жилец, я тебе говорю.

– Это не голова, – засопела учительница. – Это глава. Книги часто делятся на главы... Ну, на части такие, на куски, чтобы удобнее было читать.

– Не шибко удобно, – снова шмыгнул длинноносый. – Не смекнуть мне-ка...

– Ладно, – обреченно произнесла Саша. – Тогда просто не берите в голову эти главы... Тьфу ты!.. Всё! Забудьте про главы. Читай дальше, Коля... Нет, название главы тогда тоже не надо, вон там читай, где сам текст начинается.

– Тутока? – ткнул мутант пальцем в строчку.

– Да. Или, если ты устал, пусть Варя почитает. Или Тарас.

– Не, я ишшо не шибко устал. Чичас... – Николай, отдуваясь, запыхтел и продолжил чтение: – Сы... ты... о-ой... О... сы... ты... а-а... ны... о-о-оо... вы... и... с... тутока ишшо ентот... как ево... соломенный признак.

– Какой еще признак? – вытянула голову Саша. – Почему соломенный?.. Ах, это! Это же мягкий знак. Почему соломенный-то?.. – девушка уже чуть не плакала.

– Дык... это... Солома тоже мягонькая. Шибко на ней спать дородно.

– Если ты хочешь спать, Коля, – едва сдерживаясь, проговорила Саша, – то иди и спи, я никого силком не держу.

– Не, это я так, я читать стану! – ученик, видимо, и впрямь испугался, что его прогонят, и дальше у него дело пошло куда бойчее: – О... ра... ора... лы... и... орали е... мы... у ему сы... за... ды... и... сзади¹.

– Ну, и что у тебя получилось? – немного успокоилась учительница. – Повтори теперь всё предложение.

– Сзади кто-то гаркает: «Стоять, паскуда!», – вскочил и обернулся за спину носатый Николай.

– Во-первых, там не так написано! – хлопнула по столу ладонью Саша. – А во-вторых, ты-то чего подпрыгнул?

¹ Николай читает роман автора «Метро 2033: Север». – Здесь и далее – прим. автора.

– Сказано же: «Стой!», вот я и... – заморгал мутант. – В книге ж написано, не просто так. Значит, по-правдашнему. Тока сзади-то и нету никого. Убёгли уже. Схожу-ка, проверю, мало ли...

Николай, подвинув горбатую Варвару, вышел из-за стола и направился к двери, возле которой на колченогом табурете со скучающим видом восседал Глеб.

– Пусть идет? – посмотрел он на жену.

– Пусть... – сквозь сжатые зубы процедила та. – Пусть все идут, урок око-о-оонче-еен!.. – Саша, зарыдав, подбежала к вскочившему Глебу и повисла у него на шее. – Не могу так больше, не могу-уу!.. Ничего у меня не получается!

– Всё у тебя получается, – обнял Сашу мутант и стал поглаживать ей спину. – Просто ты уже устала. Полетели домой.

– У нас еще одна деревня намечена-аа!.. – продолжала рыдать девушка.

– А еще у нас Славик намечен, – легонько встряхнул Глеб супругу. – И это сейчас для тебя главное. А для меня вы оба с ним важнее и главнее всего. Так что давай, успокаивайся, и пошли. А вы, – повернул он голову к двум оставшимся притихшим ученикам, – тоже домой идите. Не слышали, что ли? Урок окончен.

– И когда теперь приходите? – с явной неохотой вышла из-за стола Варвара.

– Услышите, как Стёпик засвистит – тогда и приходите. Знаете же. Точного расписания пока не составить.

– Но вы ишшо прилетите? – заволновалась девушка. – А то, вон, Александра Вячеславовна плачет... Ей нельзя ить – на сносях она.

– А то я не знаю! – буркнул Глеб, но быстро нашелся. – Да, Александра Вячеславовна ждет ребенка, поэтому заранее загадывать ничего не стоит.

– Я при... прилечу! – отстранилась от мужа всхлипывающая Саша. – Я вас... не оставляю. Будем... будем продолжать. Обязательно будем! Вы – хорошие. Это я... расклеилась что-то, устала. Но я отдохну и...

– Пойдем-пойдем, – взял Глеб под руку жену и повел к двери. Перед тем как ее открыть, обернулся и сказал: – Всем до свидания. Читайте пока книгу. Вас трое? Значит, в день по три страницы. Когда вернемся, лично спрошу. Кто не расскажет – в угол поставлю!

Стёпик и Маруся дожидались супругов на краю леса, возле самой реки. Если бы не они, просветительским мечтам Саши вряд ли удалось бы осуществиться – пешком по лесам не находишься. Правда, непосредственно «извозом» занимался только Стёпик, Маруся не то чтобы сбрую надеть, вообще людей к себе близко не подпускала. Шипела, словно масло в раскаленной сковородке, пучила глаза, выпускала когти... Зато от своего крылатого возлюбленного не отставала теперь никогда: куда он – туда и она, будто привязанная. Стёпика это сильно радовало, он аж светился от счастья – глаза, по крайней мере, точно сияли. За нелюдимость Маруси он искренне переживал и горячо оправдывался перед друзьями:

– Она привыкнет! Она уж-же привыкает. Тока у нее иш-шо... енти, как их?.. инстинкты ш-шибко с-сильные. Зато я ее человечьему языку учу. Уж-же много с-слов понимает, но ответить не мож-жет, у нее... ентот... речевой аппарат не той с-сис-стемы. Вот с-станет вс-сё понимать, я ей про вас-с рас-скаж-жу, какие вы хорош-шие, и она вас-с пуж-жаться-ся перес-станет.

Вообще Стёпику приходилось непросто. Одну Сашу, понятное дело, Глеб в лес к «диким» мутантам не отпускал. Да и не одну не отпустил бы тоже. Поэтому, как только закончилась его двухмесячная «отработка» санитаром в лазарете², он стал сам летать с женой по лесам. А поскольку весил мутант как две Саши минимум, «птеродактиля» это не радо-

² См. роман автора «Метро 2033: Подземный Доктор».

вало. Но Стёпик молча терпел и даже гордился своей нужностью и незаменимостью. Еще ему было приятно показывать Марусе, какой он выносливый и сильный.

Главным неудобством крылатого «транспорта» являлось то, что приземлиться прямо в лесу Стёпик, понятно, не мог. Приходилось искать большие поляны вблизи деревень, но таковые имелись далеко не у каждой. Проще всего было с теми селениями, что располагались невдалеке от реки. Поэтому решили сделать так: выбрали четыре наиболее удобные, возле которых мог сесть Стёпик, и попросили их жителей оповестить всех окрестных соседей, кто желает обучаться грамоте, чтобы те приходили в одну из этих четырех деревень. Посещение двух из них Саша наметила на вторники, двух других – на пятницы. В принципе, девушка готова была «нести просвещение в массы» и ежедневно. Но, во-первых, Глеб не мог тратить на это столько времени, у него хватало дел и в Устюге, во-вторых, было бы не очень прилично полностью лишать Стёпика (а заодно и Марусю) свободы. А в-третьих, желающих учиться набралось совсем не так много, как мечталось Саше, – по три-четыре человека на «учебную деревню», в одной так и вовсе двое.

Еще девушка сильно переживала из-за того, что найти нормальных учебников она не смогла. Книг в Устюге вообще сохранилось мало – всё-таки берегли в основном жизненно важные вещи, а книги для подавляющего большинства нынешнего населения если являлись таковыми, то лишь в качестве растопки. И за минувшие после Катастрофы годы почти всё бумажное сожгли, а что не успели – то само сгнило. Неплохая библиотека имелась у Святой, но та не позволила взять ни одного томика, причем была в этом столь непреклонна, что Саше пришлось отступить.

Вот и было теперь у нее на всё про всё десяток книжек, из которых три оказались любовными романами, еще три – фантастикой, две – из серии «Как стать успешным», одна – учебником для бухгалтеров (Саша в ней сама две трети слов не понимала), а еще одна – пособием для желающих похудеть. Последнюю девушка в деревни, конечно, не понесла; выбросила бы вообще, но поступить таким образом с книгой у нее не поднялась рука.

Еще хуже – то есть, вообще никак – обстояло дело с чистой бумагой, на которой можно писать. Но тут, по крайней мере, можно было обходиться берестой, как делали предки.

Неприятности и не думали заканчиваться. Еще в воздухе, по дороге домой, Саша почувствовала себя плохо. Ее замутило так, что потемнело в глазах. Девушка открыла рот, чтобы попросить Стёпика снизиться, но сказать ничего не успела – ее тут же вырвало.

– Что с тобой? – завозился пристегнутый рядом Глеб. – Отравилась?.. Что ты сегодня ела? Тебя чем-нибудь угощали в деревне?

Услыхав о еде, Саша почувствовала новый рвотный позыв и простонала:

– Не надо... Пусть Стёпик ся... – тут ее снова вывернуло.

– Стёпик, садись! – замолотил по темной чешуе Глеб.

«Птер» выгнул лебединую шею, уставившись желтыми тарелками глаз на мутанта.

– Пош-што с-садитсь-ся-то? Ус-стюг рядом уж-же.

– Садись, тебе говорят! Саше плохо.

Стёпик тут же резко спикировал вниз, отчего желудок девушки, как ей показалось, чуть не вылетел изо рта. Ее бы вырвало снова, но было уже нечем.

– Очумел?! – завопил Глеб.

– Так я ж-жж как с-скорее хотел, – начал оправдываться Стёпик, через пару мгновений приземлившись на пологом речном берегу.

– Ладно, – буркнул Глеб, развязывая сбрую.

Освободившись от ремней, он поспешно отвязал жену, которая была даже не бледной, а зеленоватой, и лишь хватала воздух широко открытым ртом.

Мутант подхватил Сашу на руки и помчался к реке. Бережно опустил на песок, зачерпнул в ладони воды и плеснул ей в лицо. Девушка задышала спокойнее, а потом сморщилась:

– Мокро! Мне за шиворот натекло.

– Ничего, – облегченно выдохнул Глеб. – Вода высохнет. Меня больше беспокоит, что с тобой случилось.

– А ты как думаешь? – приподнялась и села на песок Саша.

– Да я догадываюсь... – заморгал мутант. – От этого еще сильнее волнуюсь.

– Спасибо, что волнуешься. Только в этом случае не надо.

– Почему? Как раз наоборот! Если ты отравилась, то ведь это скажется и на ребенке.

– Я не отравилась, – поднялась на ноги Саша. – Это как раз ребенок сказался на мне.

– Не понимаю... – остался сидеть Глеб. – Объясни.

– Я ведь и сама не знала, – подошла она к мужу и потрепала его жесткую, словно проволока, шевелюру. – Мне твоя мама сказала. То есть, спросила как-то, еще в самом начале, не тянет ли меня, пардон, блевать.

– погоди!.. – встал с песка мутант. – Я где-то читал или слышал... У беременных бывает такая болезнь... нет, не болезнь даже, а что-то такое, от чего может тошнить. Да?

– Да. Это называется токсикозом, я уже о нем начиталась. Только надеялась, что меня это как-то минует. Обычно-то он почти сразу начинается, как только забеременеешь, а у меня, видишь, – через два месяца. Одно радует: обычно токсикоз этот дурацкий действует лишь в первые три месяца. Если всё нормально.

– Ясно, – вновь подхватил Сашу на руки Глеб. – Теперь будет всё нормально.

– Ты чего? – засмеявшись, стала вырываться девушка. – Поставь меня! У меня уже всё прошло.

– Что прошло? Славик прошел? – строго спросил мутант, направляясь к «птеродактилям». – Всё. Сейчас прилетим домой – и больше никаких полетов.

– Как это?... – перестала трепыхаться Саша. – Ты что? А как же уроки?

– Никак, – буркнул Глеб. – Обходились они раньше без грамоты, и теперь не пропадут.

– Да как... да как ты такое... можешь... вообще... – стала задыхаться от волнения девушка.

Мутант испугался.

– Нет-нет-нет! – забормотал он, укачивая жену, словно ребенка. – Прости-прости-прости! «Диким» мутантам тоже нужна грамота. Но еще больше тебе нужен покой. Это ведь ради Славика, ты же сама знаешь.

– Хорошо, – вмиг успокоилась Саша. – Мне нужен покой, и летать мне нельзя. Твои слова?

– Мои, – кивнул Глеб.

– «Диким» тоже нужна грамота. Твои слова?

– Мои... – уже менее уверенно, явно ожидая какого-то подвоха, произнес мутант.

– Значит, летать их учить будешь теперь ты.

– Учить их летать?... – не сразу понял смысл услышанного Глеб. А когда до него дошло, чуть не выронил супругу. Он хотел возмутиться, но вспомнил сначала о Сашином состоянии, потом кое о чем еще, и очень спокойным тоном сказал: – Извини, ничего не получится. Мне ни в коем случае нельзя преподавать.

– Это еще почему? Ты начитан не хуже меня. Ну, может, чуть-чуть похуже. Зато у тебя дисциплина будет железной – побоятся тебя не послушаться.

– Но ведь от этого у них не станет всё сразу лучше получаться. Вспомни, кто сегодня плакал из-за тупос... непонятливости учеников?

– Я, – непонимающе заморгала Саша. – Но ты же плакать не станешь!

– Не стану. Я просто разозлюсь.

– Ой!.. – прижала девушка ладонь ко рту, а затем пробормотала: – Я об этом не подумала... Ты их точно спалишь. Дотла. И что теперь делать?

– Найти кого-то, кто будет делать это вместо тебя.

– Где же такого найти? Мало того, что этот человек должен быть грамотным, так он еще и храбрым должен быть, как не знаю кто.

– Как ты? – не удержался от улыбки Глеб, но тут же снова стал серьезным. – Да уж, храбрость для того, чтобы мотаться по деревням «диких» мутантов, должна быть немаленькой. Не всякий на это решится.

– А из этих немногих далеко не каждый согласится, чтобы его нес по небу зубастый дракон.

– Об этом я совсем забыл, – признался мутант. – Так что, похоже, с учителями у нас ничего не получится. Придется «диким» подождать, пока Славик подрастет.

– Нет, – задумчиво ответила Саша. – Не придется, если...

– Что? – подобрался Глеб.

– Сейчас скажу. Поставь меня только на землю.

Лишь сейчас мутант понял, что уже давно стоит с женой на руках возле деликатно молчащего Стёпика. Он опустил Сашу на ноги и переспросил:

– Не придется, если что?..

– Если их учителями станут они же. В смысле, свои. То есть, нужно хорошенько подучить двух-трех самых способных и сообразительных, а уж потом пусть они ходят по деревням и учат остальных. К своим и доверия больше будет. Я думаю, к нам приходило мало людей просто потому, что нам не доверяли, нас боялись. А так... – Сашины глаза торжествующе заблестели. – Так они все, может, учиться захотят! Здорово я придумала?

– Неплохо, – осторожно кивнул Глеб. – Только ведь, чтобы научить этих учителей, к ним всё равно кому-то придется летать... А мы поняли – людей у нас нет.

– Во-первых, мы не особо и думали, – прищурилась Саша, – может, кто-то и нашелся бы, у меня уже есть кое-какие мыслишки. Но это сейчас не так важно, потому что, во-вторых, эти учителя будут учиться у нас. В смысле, в Устюге.

– Кто же их туда пустит?.. – ошарашенно заморгал мутант.

– Святая, конечно же, – сказала Саша. – Ну, и Дед Мороз, само собой.

– Вполне вероятно, отец-то их пустит, – проговорил Глеб. – А вот насчет мамы я сильно сомневаюсь. Ты ведь еще, наверное, задумала их по книгам из ее библиотеки учить?

– Вот именно! Там есть нужные учебники. Всё пойдет как по маслу!

– Святая ни за что не согласится, – сказал мутант. – Твой план – хороший, но неосуществимый.

– Святую я беру на себя, – мотнула головой девушка.

– Интересно узнать, как?

– У меня начался токсикоз, забыл? Меня и так-то нельзя волновать, а уж теперь!..

– Ну, ты и шантажистка... – восторженно пробормотал Глеб.

– А то!

* * *

Стёпик летал теперь в Устюг без опаски. Ну, почти без опаски, да и то больше переживал за Марусю, а не за себя. После того как утряслись изменения, связанные с летними событиями, обе ветви городской власти пришли к взаимному согласию, что было неудивительно, поскольку всё получилось именно так, как и предполагала Святая. По сути, теперь правила Великим Устюгом только она, Дед Мороз – ее бывший муж и бывший же Подземный Доктор – стал фигурой условной, сугубо декоративной, хотя все формальности выполнялись

как следует, и об истинном положении вещей знали немногие. А поскольку в число этих немногих входила, разумеется, и Саша, то она настояла, чтобы Святая и Дед Мороз строго-настрого запретили своим людям причинять какой-либо вред Стёпику и Марусе. Оставался, правда, небольшой риск, что в город мог залететь и чужой «птеродактиль» (ведь различить «птичек» даже вблизи было весьма сложно), но вероятность этого события стремилась к нулю, поэтому Святая не стала спорить с невесткой.

Вот и теперь «птер» с пассажирами и следующая за ними Маруся летели над городом совершенно спокойно, при свете лишь начинающего клониться к вечеру дня. Приземлился Стёпик в сквере возле памятника Ленину, откуда до Успенского собора было рукой подать. Впрочем, такое же расстояние отделяло сквер от Резиденции Деда Мороза, из которой, пока Глеб отстегивался сам и помогал освободиться от ремней Саше, стремительно вылетела человеческая фигурка и не менее стремительно приблизилась к супругам.

Это был Анатолий Денисов, с недавних пор велевший всем называть себя исключительно Пистолетцем. Но примчался он явно не потому, что обрадовался прибытию своих друзей, тем более, что видел их всего день назад. Сейчас Денисов был зол. Он пыхтел, как паровоз, сжимая и разжимая пальцы левой руки, будто душил кого-то мысленно, затем потряс правой, беспалой ладонью и, не здороваясь, начал:

– Это уже не произвол, это явное издевательство! Ладно, она ненавидит нас с Геннадием, но ребенок-то тут при чем?!

Саша машинально прижала руки к животу.

– Какой ребенок?.. – испуганно пискнула она.

– Э! – насупился Глеб. – Ты чего мою жену пугаешь?

– Я?.. Я не пугаю... – стушевался Пистолетец, но бурлившее в нем возмущение взяло верх: – Но я очень зол!

– И всё-таки поясни, о чем идет речь, – сказал мутант.

– И что за ребенок? – добавила Саша.

– И мож-жно нам уж-же лететь? – спросил Стёпик, то и дело поглядывая в небо, где нарезала круги Маруся.

– Да, Степан, спасибо, можешь лететь, – кивнул ему Глеб.

– Прилетай послезавтра утром, – сказала Саша.

Стёпик вышел на Советский проспект и, разбежавшись, взлетел. Мутант проводил его взглядом и снова посмотрел на Пистолетца:

– Ну, так что случилось-то? Я правильно понимаю, что это Святая тебя довела?

– А кто еще-то!.. – буркнул Пистолетец.

– А ребенок-то какой? – в третий раз спросила Саша.

– Нюрка, – буркнул Денисов. – Скоро холода, а бассейн для нее не готов. Что ей, всю зиму по ваннам с корытами мыкаться?

– А разве он не готов? – удивился Глеб. – Ты же еще неделю назад говорил, что только облицовка осталась.

– Вот именно! – затряс беспалой ладонью Пистолетец. – Облицовка! А где для нее плитка?

– Что значит – «где»? Я сам видел, как с нашего склада морозовцы коробки с нею носили.

– Носили. Да относились. Больше Святая плитки не дает. И так, говорит, слишком жирно.

– Но ты ведь всё рассчитал, измерил?

– То и обидно, что измерил! Ни одной лишней плиточки не попросил! И ладно бы еще этот бассейн для баловства делался, чтобы Дед Мороз свою бороду там полоскал, так ведь для больного ребенка же! Потому что без воды Нюра просто умрет. А как она будет в этом

бассейне жить, если у него стены бетонные, шершавые? Это ведь маленькая девочка, у нее кожа нежная, она же ее обдерет враз!

Глеб тут же вспомнил, как Нюра мечтала о его шкуре³, и невольно подумал, что та в данном случае как раз пригодилась бы. Но он тут же отбросил глупые мысли и сказал:

– Хорошо, я поговорю с матерью. Сколько еще нужно плитки?

– Двенадцать таких же коробок, – сказал Пистолетец. – Ну, хотя бы десять, поверху бортики можно не облицовывать, мы их досками накроем.

– Доски сгниют, – нахмурился Глеб. – А ты уверен, что на складе еще есть плитка?

– Ребята говорили, там еще коробок тридцать. И это только на виду, кто знает, сколько на самом деле. И вот ты мне скажи: на кой черт Святой плитка?

– Откуда я знаю?! – рыкнул мутант. Затем мотнул головой и положил мохнатую руку на плечо Денисову: – Прости, Пистолетец. Просто всё одно к одному как-то...

– А что еще? – насторожился Денисов.

– Да всё нормально, – кинул Глеб взгляд на жену. – Ты иди, я поговорю со Святой. Прямо сейчас и поговорю. Будет Нюрке плитка.

Впрочем, шли они поначалу вместе. Но вскоре Пистолетец махнул им рукой, перешел проспект и скрылся за дверью Резиденции.

Саша остановилась и посмотрела на мужа.

– Кто первый? – спросила она.

– В каком смысле? – не понял Глеб.

– Кто первый пойдет к Святой?

– Ну... не знаю, – развел руками мутант. – А какая разница?

– Ты что, свою маму не знаешь? Очень она любит, когда ее о чем-то просят? Вот и представь, в каком настроении ее застанет тот, кто пойдет вторым.

– Да уж... – насупился Глеб.

– Ладно, – подумав, сказала Саша. – Иди ты. Всё-таки у тебя более срочное дело. Ребенок не должен страдать.

– А ты когда к ней пойдешь?

– Завтра. Когда она после тебя остынет. Тем более, у меня пока есть чем заняться.

– И чем же? – насторожился мутант.

– Искать гонца в деревни к «дикиим».

³ См. роман автора «Метро 2033: Подземный Доктор».

Глава 3

Смена власти

Посыльный по кличке Ржавый ворвался в комнату Кардаша без стука. Здоровенный лысый мужчина, заросший рыжей щетиной по самые брови, напоминал сейчас испуганного ребенка: губы дрожат, под носом мокро, глаза навывкате – вот-вот зарыдает.

– Там!.. Там... – замахал он рукой себе за спину. – Там Колено вернулся и Шкурник! И они... и еще...

– Яснее можешь выразаться? – поморщился Иван Андреевич, у которого екнуло внутри от радостного предчувствия. – Что там с Коленом? Откуда вернулись? Кто тебя вообще прислал? Серп?..

Стоило Кардашу упомянуть главаря, как Ржавый стремительно побледнел, лишь покрытая язвами лысина осталась багрово-сизой.

– Серп... он... – выдавил посыльный, шумно сглотнул и пробормотал: – Голова только...

– Что?.. – поднялся на ноги и подошел к бандиту Иван Андреевич. – Вы что, склад с бухлом отрыли? Чего ты там мямлишь? Кто тебя прислал и что велел передать, ты можешь сказать?

– Могу, – опять сглотнул Ржавый. – Сургуч прислал. Велел сказать, чтобы ты туда быстро... Потому что там...

– ...Колено и Шкурник, – перебил его Кардаш. – Это я уже слышал. А вот с каких это пор Сургуч стал мною командовать? Что значит – «быстро»? Когда смогу, тогда и приду. Если захочется. Так ему и передай.

– Так это... Он же теперь главный.

– Кто главный? Сургуч?..

– Я ж говорю: Колено со Шкурником вернулись, – стал приходить в себя и более-менее ясно разговаривать Ржавый. – Только они! И то исколотые-порубленные, выживут ли еще...

– Из Матвеевской вернулись? – «догадался» Кардаш. – Кто их так?.. А остальные где? А Серп? Что ты там молот про голову?

– Да, из Матвеевской, – закивал бандит. – Только они двое выжили. Остальных местные насмерть порубали. Серпа тоже убили. По шее – косой. Наши его голову привезли, я сам видел.

– Вот как? – нахмурился Иван Андреевич, ликуя в душе: «Всё получилось!». – И Сургуч решил, что главный теперь он?

– Так понятно ж! Не ты ведь.

– Ну конечно, куда уж мне-то, – скривил губы Кардаш. – Ладно, ступай. Скажи – сейчас буду.

Стоило за посыльным закрыться двери, как Иван Андреевич, потирая ладони, принялся нарезать круги по комнате.

«Всё получилось! Всё получилось!» – мысленно повторял он. – Не подвели деревенские, спасибо им! Теперь главное – мне не сглупить».

* * *

То, что Кардаш наряжался, словно раздрызганный капустный кочан, не только согревало его тело, но и позволяло скрывать под одеждой, кроме блокнота с карандашом, еще и отточенный до бритвенной остроты средних размеров тесак, который он носил не как все, на

поясе, а притороченным под мышкой в специально приспособленных ножнах. Но, готовясь заранее к событию, которое сегодня уже началось и обязательно должно было закончиться в его пользу, Иван Андреевич сделал кое-что еще...

Огнестрельного оружия он не любил, да и обрез, пусть его и можно спрятать под одеждой, всё же доставать слишком долго. Не было у Кардаша достаточного опыта и нужной сноровки, чтобы мгновенно с ним управиться, а пистолетные патроны оставались лишь у Серпа. Но Иван Андреевич не зря закончил мехмат, да и голову с руками он имел соответствующие. Поэтому втайне от всех он разработал и смастерил нечто вроде пики, действующей по принципу выкидного ножа. Только пружина в его устройстве была куда мощнее, а двадцатисантиметровое стальное жало пики – длиннее большинства лезвий. Силы удара хватало, чтобы пробить насквозь полудюймовый фанерный лист. Крепилось устройство в левом рукаве замызганного, некогда серого, с разлохмаченными лапами пальто, которое и надел сейчас поверх двух рубаш и растянутого «безразмерного» джемпера Кардаш. Ножны с тесаком он нацепил под пальто тоже. И, разумеется, переложил в его внутренний карман блокнот с карандашом.

Затем он подошел к большому, в полстены, потускневшему, с лохмотьями отслоившейся амальгамы зеркалу и равнодушно посмотрел на свое отражение. Коренастый, а из-за кучи одежек и вовсе выглядевший квадратным, с багровой лысиной, покрытой, словно беле-сой щетиной, струпьями мужчина смотрел на него с той стороны мутного стекла маленькими, светлыми, близко посаженными к широченному, похожему на бугристую картофе-лину носу, глазами. Высокий лоб с едва заметными седыми волосками бровей прорезали, как грубо вспаханные грядки, многочисленные морщины. Две глубокие неровные складки, тоже будто вырытые лопатой, опускались из-под пористых щек к маленькому, со сморщен-ными бесцветными губами рту.

Скажи ему кто-нибудь лет тридцать назад, что в пятьдесят с небольшим он будет выгля-деть столь омерзительно – утопился бы близ любимого Гизель-Дере в море. Сейчас же соб-ственный облик не вызывал у Кардаша абсолютно никаких эмоций. Тот, прежний Иван для него давным-давно умер. А для древнего трупа он выглядел вполне себе прилично. Жаль лишь, что волос совсем не осталось – голова мерзнет. Иван Андреевич достал из покосив-шегося серого офисного шкафа черную вязаную шапочку, натянул на лысину и вышел из комнаты.

Он собрал в самом большом помещении – бывшем операционном зале банка – всю свою команду, всю тридцатку единомышленников, за исключением троих: один охранял зал снаружи, еще двое контролировали вход в здание.

Здесь имелись стулья, но никто из бойцов не стал садиться, все чувствовали, что услы-шат сейчас нечто важное – еще ни разу их командир не объявлял «общий сбор» и никогда еще, пожалуй, он не выглядел настолько собранным и серьезным, несмотря на его нелепое, совсем уж не по погоде одеяние. Впрочем, к этому «пунктику» Кардаша его подчиненные настолько привыкли, что воспринимали как нечто само собой разумеющееся. Надень тот сейчас, к примеру, обычный костюм или останься в единственной рубашке и брюках – это вызвало бы куда большее удивление.

Иван Андреевич обвел собравшихся взглядом и удовлетворенно кивнул. В зале царила полная тишина. Нельзя сказать, что Кардаш настолько зашугал своих людей, что те боялись в его присутствии пошевелиться. Да, он был со всеми строг, но никогда не опускался до непотребного ора и уж тем более – рукоприкладства. Если и наказывал – то исключительно по делу и соразмерно с тяжестью проступка. А когда было за что похвалить, непременно это делал. Всё это плюс те умения и знания, которыми делился Иван Андреевич с подчинен-ными, и оказало на них влияние куда более действенное в плане дисциплины и послуша-

ния, чем беспредел остальных командиров. Кардашевцы всё это видели, а поскольку Иван Андреевич собрал возле себя изначально не самых глупых людей, то и прекрасно всё понимали. Но теперь они застыли в напряженно-молчаливых позах. Как уже говорилось, люди буквально ощущали витающую в воздухе серьезность момента и жаждали стать сопричастными тому, что собирался поведать Кардаш.

Тот еще раз кивнул, достал блокнот и что-то в нем отметил. Затем поднял взгляд, вновь обвел им присутствующих и тихо, но так, что услышали все, произнес:

– Ну что ж, настал, как говорится, наш час.

Затем он вкратце рассказал о случившемся и, как о чем-то само собой разумеющемся, о своем решении занять место Серпа. А потом сухо, без лишних эмоций и слов, сообщил подчиненным, что им нужно делать. Причем он расписал их действия сразу для нескольких вариантов возможного развития событий и озвучил кодовые слова и фразы, согласно которым бойцам следовало поступать в той или иной ситуации.

– Мы должны сработать четко и слаженно. Иначе мы проиграем. А это, смею вас уверить, означает для всех нас только одно – смерть. Даже не надейтесь, что Сургуч кого-то пощадит, как бы вы его ни умоляли.

Впрочем, он мог бы этого не говорить – характер и методы Сургуча были всем хорошо известны.

А потом Иван Андреевич добавил:

– Если кто-то не желает рисковать, чувствует нерешительность, приказываю тому остаться. В случае моей... нашей неудачи вы, возможно, хотя и не наверняка, заслужите от Сургуча пощады. Если же всё пройдет, как задумано, я никого наказывать не стану. Прошу назваться тех, кто остается.

Взгляды собравшихся бойцов забегали по залу, однако на месте остались все. Кардаш уже убирал в карман блокнот, когда раздался одинокий голос:

– Я остаюсь.

Все разом повернули туда головы, а те, кто стоял рядом с говорившим, шагнули от него в стороны. Иван Андреевич посмотрел на открывшегося его взору «отказника». Это был худой, долговязый боец с круглой, маленькой, полностью лысой, как у большинства, изъязвленной головой, на которой выделялись по-совиному круглые глаза и непропорционально длинный, загибающийся книзу нос. Прозвище Цапл подходило к этому молодому, вряд ли старше двадцати лет парню как нельзя лучше.

– Хорошо, Калачев, – сказал Кардаш и махнул рукой стоявшим поблизости к тому подчиненным: – Гришин, Стащук, связать его и запереть в соседней комнате!

Двое бойцов тут же ринулись исполнять приказ. Иван Андреевич подошел к побледневшему Цаплу, руки которого уже стягивали за спиной его же собственным ремнем, и, глядя в ставшие совсем огромными и круглыми глаза, спокойным тоном произнес:

– Для твоего же блага, Серёжа. Если мы проиграем, у тебя будет какое-никакое алиби.

* * *

К резиденции главара Иван Андреевич почти летел – его подгонял нешуточный азарт. Откровенно говоря, Кардаш сам не ожидал, что настолько заведется – словно школьник, идущий на первое свидание с девушкой. На подходе к бывшей районной администрации он заставил себя сбавить шаг и к зданию подошел степенно, с лицом, выражавшим пусть и волнение, но всё-таки подобающее ситуации – тревожное, а не восторженно-хищное.

Возле входа в резиденцию стояла взмыленная, поводящая испуганным взглядом лошадь. Телега, в которую она была запряжена, выглядела так, будто на ней резали свиней – даже на землю сквозь щели натекала лужа крови.

Кардаш оглянулся. Его люди, как и было велено, разбившись по двое-трое, неспешно, словно прогуливаясь, выходили на площадь Ленина и вдоль одноименной улицы двигались в его сторону. То, что у каждого за спиной висел арбалет, а у некоторых и ружье – о поголовном вооружении своей команды Кардаш позаботился заранее, – могло бы, наверное, вызвать подозрение у особо проницательного наблюдателя, но вероятность встречи с таковым была минимальной – особой проницательностью среди лузских бандитов мало кто отличался.

В бывший кабинет Серпа Иван Андреевич вошел решительно, без стука, но его появление осталось никем не замеченным, слишком уж там было шумно илюдно. В помещении собралось всё «население» бывшей администрации плюс основные бандитские заводы из школы. Последнее Кардаша задело – получается, сначала о случившемся сообщили им, а о нем вспомнили в последнюю очередь. Впрочем, совсем скоро всё должно было в корне измениться, и заострять внимание на подобных мелочах Иван Андреевич не стал.

Бесцеремонно расталкивая галдящих бандитов, Кардаш стал пробираться к «рабочему месту» главаря. Пару раз его обматерили, кто-то даже ответил чувствительным тычком, но Иван Андреевич не отреагировал и на это, его мысли были нацелены на другое. Он был сейчас подобен сжатой, взведенной пружине спрятанного в левом рукаве его пальто секретного оружия.

Протолкавшись к восседавшему в кресле Серпа Сургучу, Кардаш остановился, сложил на груди руки и, прищурившись, стал рассматривать самопровозглашенного главаря. Сургуч, в отличие от него, даже с обезображенной язвами и коростами головой выглядел подтянуто и молодо. На вполне симпатичном по нынешним меркам лице выделялись шикарные пышные черные усы – особая гордость Сургуча. А было дело, он даже отрастил угольно-черную бороду до пояса. Однако, став заместителем хозяина Лузы, почему-то с ней сразу расстался и начал бриться, что, впрочем, делал весьма нерегулярно. Как раз сейчас его подбородок и щеки чернели траурной щетиной.

– Чего уставился? – метнул он на Кардаша презрительный взгляд. – Я тебе девка, что ли, на меня пялиться?

– Ты мне никто, – сказал Иван Андреевич. И мотнул головой назад: – Им ты тоже никто. Даже на девку не тянешь. Иди, побрейся.

В комнате сразу повисла тишина. Сам Сургуч тоже молчал – от неожиданной наглости в свой адрес у него буквально отвисла челюсть. Но пришел он в себя быстро. Тут же вскочил и выхватил из-за пояса нож.

– Я тебя, паскуду, сейчас сам побрею, – выбросил он блеснувшее лезвие к горлу Кардаша. – Так же, как Серпа побрили. Хочешь?

Иван Андреевич опустил глаза на застывший в паре сантиметров от его шеи нож.

– Не хочу, – сказал он. – Никому не доверяю столь деликатного дела. Да и не видел я еще, как побрили Серпа – вдруг мне не понравится?

Кто-то из бандитов коротко гоготнул. Сургуч метнул в ту сторону свирепый взгляд, а потом вдруг захохотал и сам, натужно, с надрывом, и его смех тут же подхватили десятки глоток.

Заулыбался и Кардаш. Сургуч тотчас замолчал. Быстро затихли и остальные. Самопровозглашенный главарь отвел нож от горла Ивана Андреевича и ткнул им в сторону одного из бандитов:

– Карапуз, где там то, что от Серпа осталось? Покажи Карандашику, какой он скоро будет красивый.

Вновь кто-то хохотнул, но Сургуч, словно дирижерской палочкой, взмахнул ножом, и смех тут же прервался. Тот, кого звали Карапузом – сгорбленный здоровенный мужчина с руками ниже колен жестом фокусника извлек, точно из воздуха, окровавленную голову

бывшего хозяина и, держа ее за длинные слипшиеся волосы – былую гордость Серпа, – протянул Сургучу.

– Хрен ли ты мне ее суешь?! – рыкнул тот. – Ты ему, вон, показывай! А ты, Кардашик, смотри, каким сейчас будешь.

– Таким же лохматым? – снял шапочку и провел по шелудивой лысине Кардаш. – Да нет, вряд ли. А вот ты, Сургуч, объясни мне, почему ты решил, что твоя голова вот эту может заменить?

– Потому что уже заменила! – взревел Сургуч. – Потому что я – это я, а не какая-то говорящая срань! И знаешь, что? Я тебе, паскуда, голову резать не буду, много чести тебя с Серпом равнять. Я тебе язык отрежу, чтобы впредь ты и вякнуть не смог.

Сургуч, разумеется, не мог знать, что подобное желание – отрезать кому-то язык – совсем недавно и привело бывшего главаря к нынешнему состоянию. Наверняка это было просто случайностью. Правда, Иван Андреевич Кардаш не верил в случайности, не зная к тому же, как умер Серп. Будучи абсолютным агностиком, он все же не отрицал глубинного смысла всего происходящего, смысла, неведомого большинству. Совпадение – лишь подсказка судьбы. Последуешь ей – ты на верном пути. Нет – судьба решит за тебя.

И вот эта случайность как раз сыграла Кардашу на руку. Упускать шансы он не любил – слишком уж они редки, чтобы ими разбрасываться, – а потому, как только Сургуч, наставив нож, приблизился к нему вплотную, Иван Андреевич выбросил вперед левую руку, уверевшись кулаком в грудь бандита. Со стороны это выглядело инстинктивным защитным жестом, поэтому никто из окружающих и не подумал, что новому главарю грозит опасность. А когда, громко выкрикнув: «Работаем!», Кардаш выдернул из пробитого сердца Сургуча жало своего оружия, и мертвое тело завалилось набок, защищать было уже некого. Да и вряд ли теперь это у кого-нибудь получилось бы, поскольку в помещение стремительно ворвалось полтора десятка «кардашевцев», которые тут же окружили собравшихся, направив на них арбалеты и ружья.

– Одно движение – и они будут стрелять, – спокойно проговорил Иван Андреевич во внезапно наступившей тишине. – Но мне кажется, что дергаться и ни к чему, не так ли? Надеюсь, никто не против, что это место займу... точнее, уже занял я? – Кардаш нагнулся, вытер об одежду Сургуча стальное жало, и, отведя правой рукой стопорный рычаг устройства, убрал смертельное острие, надавив им в пол. Затем он выпрямился и продолжил: – Поверьте, я куда умнее наших уважаемых покойников – что Серпа, что Сургуча. Нет-нет, я неточно выразился. Сейчас-то любой из вас их умнее. Но я умнее, чем были они. Чем даже они были оба, вместе взятые. И я могу обещать вам, что сначала я буду думать, а уж потом – что-то делать. Причем думать я стану не только о себе, но и обо всех вас. И если вы доверитесь мне, станете мне помогать – выиграют все, это я тоже обещаю. Те же, кто не хочет мне подчиняться – уходите. Но уходите совсем из города, и подальше. Потому что если отступник хоть раз после этого попадется мне на глаза – я его убью.

– Сам сдохни! – завопил вдруг стоявший поблизости Карапуз и рванул к Ивану Андреевичу, размахивая перед собой ножом.

Подчиненные Кардаша среагировали быстро, но между ними и сторбленным здоровяком было слишком много народу, чтобы перехватить того сразу. Сам же Иван Андреевич мгновенно сунул за пазуху руку, выхватил тесак и рубанул им столь стремительно, что оказавшийся без правой кисти Карапуз не сразу понял этого, продолжая размахивать фонтанирующим кровью обрубок. Но к нему уже подоспели люди Кардаша и поволокли в сторону.

– Просто добейте его! – крикнул им вслед Иван Андреевич и пояснил остальным как бы даже извиняющимся тоном: – За прямое неподчинение, и уж тем более за попытку мятежа – наказание, как вы понимаете, только одно: смерть. – Он снова нагнулся, вытер об одежду покойного Сургуча уже тесак, убрал его на место и, выпрямившись, произнес командирским

голосом: – А теперь слушайте первый приказ! Командирам подразделений срочно привести к зданию резиденции всех своих бойцов. Через полчаса все, включая вас, должны стоять у входа. Затевать что-то вроде сговора с последующим вооруженным нападением не советую: с обеих сторон поляжет много народу – и ради чего? Чтобы потом оставшиеся в живых поубивали друг друга, деля власть над жалкими, неуправляемыми остатками? Мне кажется, лучше это забыть. Но пока вы это до конца не осознали, приказываю сдать оружие. Временно. Всем, признавшим мою власть, оно будет возвращено сегодня же. И еще – вас будет сопровождать несколько заведомо преданных мне людей. Очень надеюсь, что скоро смогу так назвать и всех вас. А теперь – исполняйте! Время пошло.

* * *

Кардаш рассчитал всё очень правильно – события пошли по основному плану, что снимало сразу несколько проблем. Даже выпад Карапуза пришелся как нельзя кстати. Его, разумеется, Иван Андреевич рассчитать заранее не мог, хотя на что-то подобное всё же надеялся – он должен был сразу показать свою безоговорочную, безусловную власть и силу. Бандиты привыкли считать его никчемным деревянным Карандашиком, тем важнее перевернуть им мозги и показать всем и сразу, что на самом деле он – стальной Кардан.

С этого он, кстати, и начал свою речь, стоя на крыльце бывшей районной администрации, когда ровно через полчаса возле нее собрались все бандиты Лузы.

– Меня зовут Кардан, – сказал он. – Я теперь ваш главарь. Вы можете меня не любить, но вы обязаны мне подчиняться. Я уже сказал вашим командирам, повторю сейчас для всех: кто с этим не согласен – убирайтесь из Лузы и больше не попадайтесь мне на глаза. Попадётесь – умрете. За прямое неподчинение моим приказам – тоже смерть. Зато, если станете безоговорочно выполнять мои требования, мы заживем так, как до этого и не мечтали. Я уверен, что каждый из вас способен на многое. Я буду требовать с каждого, но я буду также и считаться с каждым из вас – ведь вы теперь члены моей семьи, и все мы друг за друга в ответе. Вместе мы – сила! Вы не какие-то жалкие мутанты, вы – монстры! Сильные, несокрушимые и беспощадные! А потому я теперь хозяин города монстров!

В ответ Кардан услышал такой восторженный рев, что чуть было не полез за блокнотом, чтобы сделать пометку: «Захват власти – выполнено».

Глава 4

Полезная находка

Проводив взглядом заторопившегося к матери супруга, Саша, напротив, замедлила шаг – ей захотелось еще немного подышать свежим воздухом и хорошенько подумать.

Говоря Глебу о поисках гонца и о том, что у нее имеются на этот счет некоторые мысли, Саша не лукавила. Собственно, идея насчет того, кто бы это мог быть, пришла к ней сразу, потом она лишь мысленно перебирала другие кандидатуры, но никого подходящего так больше и не отыскала. Кто-то был неграмотным, кто-то – недостаточно смелым... Кто-то не мог находиться под открытым небом без защитной одежды и противогаза – а как отпраздновать такого к «диким» мутантам, у которых никуда не делись воспоминания о точно так же одетых карателях?

И так уж вышло, что смелого (можно сказать, лично проверенного в деле), грамотного и, как недавно оказалось, невосприимчивого к радиации человека, да еще такого, без которого в городе могли несколько дней обойтись, Саша знала лишь одного – юного дозорного Вениамина Карпухина, или попросту Венчика. После событий двухмесячной давности, когда Венчик – тогда еще не дозорный, а просто стажер – показал себя настоящим героем⁴, между ним и Сашей с Глебом сложились пусть не дружеские, но уж точно приятельские отношения, и в свободное от дежурства время парень частенько заглядывал к супружеской паре – поговорить, поспорить, узнать что-то новое. К слову, Венчик оказался по-настоящему жадным до знаний, и Саша, получив на то разрешение от Святой (как бы та отказала герою, которому лично вручала именной автомат «за проявленную доблесть?»), приводила парня в библиотеку, где тот сразу забывал обо всем, поскольку книги для него стали главной ценностью на свете.

И как было в нынешней ситуации не вспомнить о таком человеке? К тому же, не успела Саша дойти до входа в Успенский собор, как Венчик сам ее окликнул. Вот уж, что называется, «на ловца и зверь бежит»!

Девушка остановилась, вглядываясь в спешащие к ней по Советскому проспекту, с той стороны, откуда только что пришла и она, две невысокие фигуры. В одной она еще издали признала юного дозорного, а вот кто был вторым, угадать не получилось, поскольку человек был в черном защитном плаще с капюшоном, а лицо его закрывала противогазная маска.

– Здравствуй! – подойдя к Саше, торопливо выпалил Венчик и зачистил: – Мы такое нашли, такое!.. Там обвалилось, а мы залезли, а там... Такие тумбы, а на самом деле – бумага!

– Стоп! – подняла обе руки Саша. – Давай сначала, только медленней и по порядку. Нет, сперва представь меня своему товарищу – извиняюсь, но я не могу понять, кто это.

– Это не товарищ... – покраснел вдруг парень. – То есть, товарищ, еще какой товарищ, но только... – Венчик замялся и смутился еще больше.

– Я – Катя, – протянул Саше руку в перчатке «товарищ». – Мы живем с ним в одной общине. Я тоже дозорный. Правда, еще стажер пока.

– Всё равно, Катюха такая смелая! – вновь прорвало Венчика. – И умная, и вообще...

– Хотя кто-то еще совсем недавно меня душой называл, – буркнула из-под маски девушка.

– Просто это я дураком был, – виновато опустил голову парень, но тут же вскинул ее и, вытаращив глаза, заговорил, с трудом сдерживаясь, чтобы опять не начать тараторить: – А нашли мы... Там, – махнул он рукой, – недалеко совсем, Красный переулок... Так вот, там

⁴ См. роман автора «Метро 2033: Подземный Доктор».

есть разрушенное здание. Уже крапивой всё заросло, травой. И вот недавно прошел слух, что один патрульный туда ночью провалился. В общем, там оказался большой подвал, куча каких-то здоровенных железяк, а еще... – тут Венчик понизил голос почти до шепота, – бумага!.. Очень много чистой бумаги! Целые тумбы!

– Бумага?.. – заморгала Саша. – Так это же здорово! Но при чем здесь тумбы?

– Да я не знаю, как это на самом деле называется, – признался парень, – только эта бумага – как огромная лента, и она свернута-свернута-свернута, – закрутил он рукой, – так, что получается как будто круглая тумба. Или бочка. Я даже сначала и подумал, что это бочки – они такие грязные были, трухлявые...

– Трухлявые? – воскликнула Саша. – Значит, бумага испорчена? Только я всё равно не понимаю, как это: бумага свернута в тумбы?

Ей и впрямь было трудно представить такое количество бумаги, которое можно было бы свернуть во что-то, похожее на бочку или тумбу. Самый большой бумажный лист, который она видела – это книжная страница. Но как ты эту страницу ни сворачивай, никакой тумбы, и даже тумбочки, не получится. А ведь не может быть таких гигантских книг, у которых листы могли бы вот так свернуться. Правда, Венчик говорит, что листы чистые. А еще – трухлявые... Вот ведь обидно-то!

Но тут заговорила Катя:

– Бумага не испорчена. То есть, она не вся испорчена, только снаружи. Но ведь эти... тумбы такие толстые – там еще столько бумаги этой!

– Тогда идемте! – решительно повернулась Саша.

– Куда? – недоуменно бросил ей в спину Венчик.

– Как – куда? За бумагой, конечно! Отведите меня в это место.

– Но... – развел руками юноша. – А как мы ее возьмем? Ее ж не поднять – тумбы эти с места не сдвинуть. Даже если уронить и катить – надо сначала пролом больше сделать и расчистить. И потом... мне уже в дозор скоро идти... Давай, я со своими поговорю, соберем ребят побольше – и займемся.

– Нет, – нахмурилась Саша. – Мне быстро надо... Ладно, я, кажется, придумала, кто мне поможет. Красный переулочек, говорите?

– Да, там дальше сразу гостиница «Сухона». Ну, что от нее осталось.

– Поняла, – кивнула девушка. – Найду. А теперь у меня к тебе, Вениамин, имеется серьезный разговор. Есть минут десять хотя бы?

– Десять, наверное, есть, – заинтересованно глянул на нее Венчик. – Говори!

И Саша рассказала Венчику о своей задумке насчет учебы учителей, для чего требовалось отобрать кандидатов в деревнях «диких» мутантов. Поскольку времени было в обрез, девушка сообщила пока только самое главное, без подробностей. Упомянула лишь, что добираться придется с помощью «птеродактиля» – вдруг парень высоты боится? Но услышав про это, Венчик аж запрыгал, словно ребенок:

– Это на Стёпике, да?! Я полечу на Стёпике?.. Прямо по небу?..

– На Стёпике, – улыбнулась Саша. – На ком еще-то? Маруся пока под упряжь не дается.

– Эх!.. – помрачнел вдруг Венчик. – Это же много времени потребуется, а мне в дозоры ходить. Не отпустят меня надолго.

– Вот насчет этого можешь точно не волноваться, – успокоила его девушка. – Тут я договорюсь с кем надо, будь уверен.

– А можно, я тоже с ним? – едва слышно произнесла из-под маски Катя. – Я читать и писать умею. И считать. Я тоже смогу отбирать «диких».

– Видишь ли, Катя... – сказала Саша. – Я верю, что ты это сможешь. Но, во-первых, это имело бы смысл, если бы возить людей мог не только Стёпик. А так вы же всё равно

будете смотреть одних и тех же. А во-вторых, только не обижайся, но в таком виде, как у тебя, «дикиим» мутантам лучше не показываться. Так что... – развела она руками.

– Понятно, – буркнула Катя и ткнула Венчика в бок локтем: – Опять ты один, без меня, подвиги совершать будешь!

– Да какой же это подвиг? – вновь засмутился парень и повернулся к Саше: – Ладно, побежали мы, а ты про меня не забудь, никого больше не ищи!

– Не буду, – сказала Саша в спины быстро удаляющейся парочки, а сама пошла к Резиденции Деда Мороза.

* * *

Узнав, к кому именно решила обратиться за помощью девушка, Святая вряд ли подобный поступок одобрила бы, но Саше на это было плевать. Она шла к Пистолетцу, а Пистолетец был ее другом, как бы ни относилась к этому свекровь.

Денисов, который расстался с Глебом и Сашей совсем недавно, был откровенно удивлен ее появлению. Причем радостным это удивление назвать было трудно.

– Отказала? – буркнул он. – А чего сам-то не пришел – стыдно стало: наобещал с три короба...

– Пистолетец, ты о чем? – перебила его Саша. – Кто не пришел? Кто отказал? Кто обещал? Ты здоров?

– О плитке, Глеб, Святая, Глеб, да, – соблюдая очередность поступивших вопросов, ответил Денисов.

– Да?... – упавшим голосом переспросила Саша и наморщила лоб. – Ты меня, пожалуйста, прости, но с тех пор как я стала беременной, некоторые вещи мне даются с трудом. Что касается лингвистических абстракций, то я и раньше не была в них сильна. Повтори, пожалуйста, еще раз то, что ты хотел до меня донести. Только медленно и конкретно. Лучше с примерами.

– Это ты меня хочешь так успокоить?

– Нет. Так я хочу успокоить себя. И Славика. А то я совсем расстроюсь и забуду, зачем к тебе пришла.

– Так ты пришла не из-за плитки? – ахнул Пистолетец.

– Нет, – сказала Саша и, поманив Денисова пальцем, шепнула ему прямо в ухо: – Из-за бумаги.

– Вместо плитки? – отпрянул Пистолетец. – Это что, издевательство с ее стороны?!

– Стоп! – подняв руки, притопнула девушка. – Не заводи опять эту песню о плитке. Кстати, я вспомнила, что ты имеешь в виду. То, о чем вы спорили с Глебом?

– Вот именно!

– Ну, так у него потом и спрашивай. Я-то тут при чем?

– Прости, – потер беспалой ладонью лоб Пистолетец. – Столько навалилось всего в последнее время – ум за разум заходит! Скоро, наверное, на самом деле стану слова забывать и фразы коверкать, как тогда...⁵ Руководящая должность – это совсем не мое.

– Ничего, – поспешила успокоить его Саша. – Я не буду просить тебя руководить. Мне нужна совсем другая помощь.

И девушка рассказала Денисову то, что услышала от Венчика с Катей. С лица Пистолетца тут же исчезла тревога.

– Пойдем, посмотрим, – подхватился он. – Хоть развеюсь немного. Кстати, я догадываюсь, что именно нашли твои юные друзья.

⁵ См. роман автора «Метро 2033: Мутант».

- Догадываешься? – удивилась Саша. – Но как, если ты еще ничего не видел?
- Потому что я знаю, что раньше находилось в Красном переулке возле гостиницы «Сухона».
- И что же там находилось? Фабрика бумажных тумб?
- Нет, – хитровато прищурившись, помотал головой Пистолетец. – Там находилась редакция газеты «Советская мысль», а также городская типография.
- Ты хочешь сказать... – сглотнула Саша, боясь произнести вслух то, что ярким прожектором вспыхнуло в ее голове. – Хочешь сказать, что мы сможем... печатать книги?..
- Вот этого я не говорил, – стал снова серьезным Денисов. – Даже если там сохранились в рабочем состоянии сами печатные станки, в чем я очень сомневаюсь, то где мы найдем того, кто умеет с ними обращаться? Ты, давай-ка, раньше времени воздушных замков не строй – сейчас пойдем и посмотрим, что там есть и чего нет.
- Во всяком случае, там есть бумага, – вздохнула Саша. – А это уже очень-очень хорошо.

Здание, которое раньше находилось по адресу: Красный переулок, дом 10, было разрушено полностью. Заросший травой и крапивой покатым холм с торчащими в стороны обломками балок – вот и всё, что от него осталось.

- И как туда попасть? – спросил Пистолетец.
- Я не знаю, – пожала Саша плечами. – Я ведь тебе говорила: туда патрульный провалился. А потом Венчик с Катериной слазали. Меня-то с ними не было, они только рассказали об этом – и всё. Но я не вижу проблем; просто обойдем сейчас вокруг этой груды развалин и увидим, где этот пролом. Делов-то!
- Нет уж, – мотнул головой Денисов. – Не «обойдем», а «обойду». Не хватало еще, чтобы ты провалилась! Тут из-за травы ничего не видно, таких проломов может быть несколько.
- Вот еще! – взбунтовалась девушка. – Я же не полная дура – лезть куда попало! Что я, погулять сюда пришла? Стоять и тебя дожидаться?
- Не стоять, а сидеть. Видишь, вон, кусок деревянной балки в сторонке лежит? Сядешь и подождешь, ничего с тобой не случится. И если ты не полная дура, то должна понимать, что именно так и надо сделать. Не будь ты беременной, я бы сам тут посидел, пока ты по развалинам ползаешь. Но сейчас ты как раз беременная – это я на всякий случай, вдруг забыла. И даже если ты за себя не боишься, то подумай о ребенке. А я сейчас боюсь не только за тебя с ним, но и за себя.
- Не поняла... – проворчала Саша, исподлобья разглядывая Пистолетца. – Если трусишь, так чего пошел? Отправил бы какого-нибудь головореза, который ножку подвернуть не боится.
- Тьфу ты! – начал сердиться Денисов. – Я не трушу. В смысле, не из-за того, что провалюсь. Я боюсь, что если с тобой что-то случится, то подвернутой ножкой у меня дело не кончится. Мои ножки кое-кто просто выдернет. Вместе с ручками.
- Перестань, – буркнула девушка. – Глеб не такой кровожадный, зря ты так. Ну, может, стукнет тебя пару раз.
- Мне и одного раза хватит. Только он даже бить меня не станет. Не успеет.
- Убежишь? – угрюмо усмехнулась Саша.
- Тоже вряд ли успею. Глеб просто сильно рассердится на меня – от меня угольки и останутся.
- Это да. Пожалуй, ты прав. Ладно, иди, давай. И под ноги, в самом деле, хорошенько смотри, а то: подвернутая ножка, оторванные ручки!..
- Про подвернутую ножку ты первая сказала.

– Слушай, не зли меня! Я, конечно, не Глеб, и поджечь тебя не смогу, но стукнуть – это запросто. Иди, а то ведь я и правда сама туда сунусь.

– А ведь такая милая на первый взгляд девушка, – пряча улыбку, помотал головой Пистолетец. Потом, уже серьезно, сказал: – Всё, садись, жди. Я быстро. Найду пролом, загляну, а если там и правда есть что-то ценное, то серьезную ревизию проведу позже. Возьму пару человек, инструменты... – Последние слова Денисов говорил, уже отправляясь в обход развалин.

Саша, вздохнув, прошла к лежавшей на земле балке, смахнула с нее пыль и уселась. Она приготовилась к долгому ожиданию, но усталость после двух перелетов и занятий с «дикими» мутантами, которую она после разговора с Венчиком перестала замечать, накалила на девушку с новой силой, и Саша не заметила, как заснула.

Возглас Пистолетца: «Смотри!» разбудил ее столь неожиданно, что Саша взвизгнула.

– Зачем так пугать-то? – проворчала она, поднявшись.

– Я ведь спокойно подошел, не подкрадывался, – удивился Денисов, но увидев красные заспанные глаза девушки, сразу всё понял. – Прости, бестолочь я. Потащил тебя, а ты на ногах еле держишься.

– Всё нормально, – сказала Саша. – Иначе бы места себе не нашла... Погоди, ты что сказал? Смотри?... Чего смотреть?

– Вот чего, – протянул ей Пистолетец обрывок какой-то светло-серой ткани.

Девушка недоверчиво взяла его и тут же поняла, что никакая это не ткань, а... бумага! Да, серая, да, неказистая с виду, но самая настоящая бумага.

– Ура! – подпрыгнула Саша. – Ура-ура! Спасибо тебе! Ее там много?

– Более чем, – ответил Денисов, невольно улыбаясь искренней радости девушки. – Точно не считал, но порядка десяти рулонов. Вот таких, – развел он руки.

– Так это же столько тетрадок можно наделать! И книг напечатать!.. Ой, а печатные станки там есть?

Пистолетец перестал улыбаться.

– Там горы металлолома. Пыльного и ржавого. Даже если это станки, точнее, то, что от них осталось – у нас нет мастера, который восстановил бы этот хлам. И потом, работать на них тоже никто не умеет. Да у нас даже типографской краски нет!

Саша нахмурилась, но ее лоб быстро разгладился.

– Ничего, – сказала она. – Станки – это не самое главное. Ты потом их всё-таки глянь, вдруг на самом деле не всё так плохо, как на первый взгляд кажется. А пока мы сами сделаем станок.

– Саша, тебе точно пора отдохнуть, – забеспокоился Денисов. – Иди-ка домой, поешь и ложись спать. А поговорим завтра.

– Спать я пойду, – кивнула девушка. – Даже, наверное, есть не буду – за столом свалюсь. Но ты на меня как на дурочку не смотри. Не знаешь про книгопечатника Гутенберга? Помнишь, у него ведь был совсем примитивный станок: наборная пластина с литерами, а к ней еще одна с листом бумаги прижималась с помощью прессы. Что, никто из твоей гвардии такой примитив не смастерит, если ты покажешь, что нужно делать?

– Где и из чего мы будем отливать литеры? Пули переплавлять?..

– Да не обязательно металлические! – махнула рукой Саша. – Нам и деревянные подойдут. Мы же не «Войну и мир» будем печатать – для начала примитивную азбуку на пару десятков страниц. «Мама мыла раму» и всё такое... Смогут ведь твои морозовцы деревянных буковок нарезать?

– Вряд ли кто из них вообще знает, что такое буквы.

– Так ты им нарисуешь, что нужно вырезать. Только не забудь, что буквы должны быть в зеркальном виде. Ну, и пару прочных дощечек размером с книгу найди. На одной нужно

будет пазы прорезать, куда литеры вставлять. Насчет пресса тоже что-нибудь придумаешь, не маленький.

– А краску где возьмем?

– Насколько я помню, – сказала Саша, – Гутенберг использовал какое-то масло, в котором размешивал сажу. Сажи у нас – завались, а насчет масла я подумаю. Поищу в библиотеке Святой книжки на эту тему.

– Но набирать тексты ты сама будешь! – сдался напору девушки Денисов.

– Нет, Деда Мороза попрошу, – ехидно прищурилась Саша.

Когда Саша и Пистолетец шли назад по Советскому проспекту, они еще издали заметили мечущуюся возле Резиденции Деда Мороза фигуру, в которой девушка сразу признала супруга. Глеб тоже увидел их и помчался навстречу.

– Что-то случилось... – нахмурился Пистолетец.

– Случилось, – вздохнула Саша. – Я потерялась. Я ведь его не предупредила, куда пошла.

– Что ж ты так? Теперь и мне влетит.

– Во-первых, я и сама не знала, что пойду. А во-вторых, когда узнала, Глеб уже был у Святой.

– Могла бы подождать!

– Да? – с прищуром глянула Саша на Пистолетца. – А где бы я столько терпения взяла?

– Ну, теперь кое-чего другого огребешь.

– Не огребу. Я беременная.

– Зато я – нет, – проворчал Денисов. – Сейчас он на мне и отыграется.

Пистолетец как в воду глядел.

– Вы где были?! – размахивая руками, еще метров за тридцать завопил Глеб.

– Глебушка, не волнуйся! – крикнула в ответ Саша. – Со мной всё в порядке! А если будешь злиться, я могу сгореть.

– Я не на тебя, я на него буду злиться! – подбежав, ткнул пальцем в Денисова мутант.

– Да, конечно, – пробурчал Пистолетец, – мне-то чего бы не сгореть, невелика потеря.

– И ты еще чем-то недоволен? – возмутился и без того взбудораженный Глеб. – Уволок куда-то мою беременную жену, никому ничего не сказал... Думаешь, если я большой и страшный, то у меня нервы железные?

– Ничего я не думаю, – опустил глаза Денисов. – Только психовать тут не из-за чего. Подумаешь, прогулялись мы немножко. Что, тебе о каждом шаге нужно докладывать?

– Я вижу, что ты ни о чем не думаешь, – продолжал свирепо вращать глазами мутант. – О том, что Александре нужен покой, о том, что мне не всё равно, где она и что с ней... Ты даже о своей плитке, смотрю, больше не думаешь. Это мне она нужна, а не тебе, так? Ну вот, мне она тем более не нужна. – Глеб взял Сашу за руку: – Пошли домой.

– Глебушка, ну не сердись ты на него! – выдернула та ладонь. – Пистолетец не виноват, это я его попросила сходить со мной. Если бы ты знал, что мы нашли!

– Не защищай его! Ладно, ты безответственная, но он-то...

– Какая я?.. – попятилась Саша от мужа. Ее губы задрожали, на глазах заблестели слезы. – Вот, значит, как ты обо мне... А зачем тогда ты на мне женился?..

Всхлипывая, девушка помчалась вперед. Глеб ринулся было за ней, но Пистолетец выставил ногу, и мутант рухнул на асфальт. Зарывав, он тут же вскочил на ноги, испепелил Денисова взглядом – к счастью, на сей раз лишь фигурально – и собрался вновь броситься в погоню, но Пистолетец выкрикнул:

– Остановись, ты, балбесина! Пусть она успокоится. Ты ее сейчас еще сильнее растрепожешь.

– Я твоих советов не спрашивал! – рыкнул Глеб, но всё же остался на месте.

– И напрасно. Ты ведешь себя так, как будто беременность – это смертельная болезнь. Ты уже задолбал Саньку своей заботой! Всему же должна быть мера. В конце концов, она – свободный человек, а не твоя собственность. Что переживаешь за нее – это правильно, и я тебя понимаю, но устраивать из-за ерунды шекспировские трагедии... Не по-мужски это, Глеб, поверь мне. И на меня орать тоже не надо, всё-таки я тебя вдвое старше.

– Ладно, прости, – тряхнул головой мутант. – Я и правда чего-то... Но я и в самом деле испугался. Сашка устала сегодня, плохо себя чувствовала... Я заглянул в ее спальню – а там пусто, даже постель не смята. И никто не знает, куда она подевалась, никто ее не видел! Я – к тебе, а там сказали, что вы с ней куда-то уперлись. И тоже никто не знает, куда. Что я должен был думать?

– Уж, во всяком случае, не то, что я повел Саньку с бандитами сражаться или бревна таскать, – с обидой проговорил Денисов.

– Куда вы хоть в самом-то деле ходили?

– На кудыкину гору.

– Да ладно тебе, – пихнул Глеб плечом в плечо Пистолетца. – Я ведь извинился. И плитку тебе, кстати, выбил.

– Что, правда? – округлил глаза Денисов. – Вот уж спасибо – так спасибо! Тогда я побежал за ребятами, а то еще передумает мама твоя...

Пистолетец и впрямь припустил к Резиденции, оставив мутанта в полной растерянности.

– Так куда вы ходили-то? – крикнул он вслед убегающему другу.

– Потом! – отмахнулся тот. – У Саньки спроси, она как раз быстрее и успокоится.

Глава 5

Полезная находка – 2

Можно долго спорить насчет совпадений. Что это – слепая случайность или некий знак, подаваемый нам откуда-то свыше? Иван Андреевич Кардаш (теперь уже Кардан, иного обращения к себе он больше не допускал) верил во второе. Только на сей раз он опять не мог знать про совпадение, и что где-то там в Устюге некий патрульный провалился в подвал разрушенного здания. Ему стало известно лишь, что такое событие произошло здесь, в Лузе.

Осторожный стук в дверь прервал послеобеденные размышления Кардана. Хозяин города монстров поморщился, отложил карандаш, закрыл блокнот и недовольно крикнул:

– Кто там скребется? Заходи, если по делу!

Дверь приоткрылась. В проеме показалась круглая безухая голова со светлым пушком на затылке. Кардан тут же сменил гнев на милость – он уважал за врожденную порядочность и скромность этого невысокого, крепко сбитого парня.

– Заходи, заходи, Андрюша, – позвал Кардан.

Андрей Сташук – боец по прозвищу Крыш (вероятно, из-за того самого пушка-«крыши» – у большинства и этого не имелось) – проскользнул в комнату и аккуратно прикрыл за собой дверь.

– Не топчись ты у двери, – махнул рукой новоявленный главарь, – иди сюда.

Крыш подошел к столу командира.

– Разреши доложить! – вытянулся он в струнку, что с учетом его сложения и роста выглядело весьма комично.

– Да говори ты нормально, Андрей, – скривился, как от зубной боли, Кардан. – Мы же не на параде. Что там у тебя?

– Хмурый в подвал провалился.

– Какой Хмурый, в какой подвал? – еще сильнее сморщился главарь. – Это вы Гришина так называете?

– Да, Серёгу Гришина. Вот он и... того.

– Что – «того»? Умер, что ли? Как его угораздило провалиться? И что за подвал такой, где он?

– Не-не, – замотал безухой головой Сташук. – Хму... Серёга, в смысле, живой. Только ногу вывихнул. А подвал там, у площади, на углу. Рядом тут... Развалины там, крапивой всё заросло. Он туда полез и провалился.

– Андрей, – посуровел Кардан. – Ты – парень, конечно, хороший, но сейчас ты меня начинаешь злить. По-твоему то, что Гришин вывихнул ногу, – это важная причина отрывать меня от дела? И вообще, на кой черт этот Хмурый полез в крапиву? Только не говори, что по большой нужде, иначе я совсем в своих подчиненных разочаруюсь.

– Не, не по сильно большой. У него кепку сдуло.

– Нашел?

– Что нашел?..

– Кепку свою Гришин нашел? – скрипнул зубами Кардан.

– Да, кепку нашел, всё в порядке.

– Спасибо, ты меня успокоил. А теперь – марш отсюда и передай всем, чтобы из-за ерунды ко мне больше никто сунуться не вздумал! Провинившихся буду пороть. Прилюдно. Тебя на первый раз прощаю. Чего стоишь? Сгинь!

– Но ведь там... – побледнел Крыш, так и не сдвинувшись с места. – Там, в подвале, патроны!

- Твою ж мать! – подскочил Кардан. – А вот теперь я тебя точно выпорю!
- За что?.. – покачнулся Стащук. Его ставшие совсем белыми губы задрожали – и, похоже, не столько от страха, сколько от обиды.
- За то, что с этого и надо было начинать! Неужели непонятно? Докладывать нужно по существу, а не начинать с того, кто в каком месте посрать присел!
- Но Серёга не посрать, у него кепку...
- Молча-ать! – завопил Кардан. – Я тебя сейчас пристукну, Стащук! А ну, живо води меня к тому подвалу!

Кардан взял с собой еще двоих – словно чувствовал, что возвращаться придется с «уловом». Вот только оказался он не совсем таким, на который надеялся хозяин Лузы.

Идти от бывшего «Сбербанка» до площади было всего ничего – и двухсот метров не будет. А когда Андрей Стащук подвел командира к заросшим крапивой развалинам за ближайшим ее углом и сказал: «Здесь», Кардан недоуменно хмыкнул:

- Так это же «Мальвина»!..
- Кто? – изумленно уставился на него Крыш. Двое других бойцов – Зубило и Валенок – тоже удивленно заморгали.
- Не «кто», а «что». Здесь раньше был магазин электроники «Мальвина». Впрочем, вы это, конечно, помнить не можете.

Сказав это, главарь задумался. Какая могла быть связь между мирным магазином и боеприпасами? С другой стороны, в девяностые годы чего только ни творилось. Бандиты – не эти шелудивые уроды с дубинами и арбалетами, а тогдашние, бесстрашные и наглые, с огнестрельным оружием – вполне могли устроить в подвале именно этого магазина свой арсенал. А почему бы и нет? Может, они именно эту торговую точку, как это называлось тогда, «крышевали». В любом случае, чем гадать – лучше было залезть и посмотреть.

Кардан спросил у Стащука:

- Где именно провалился Гришин?
- Вон там, где крапива примята, – показал Крыш.
- Значит, так, – посмотрел на подчиненных командир. – Найдите какие-нибудь палки или голыми руками эту крапиву дергайте, но через пять минут организуйте мне проход к провалу.

Бойцы бросились выполнять приказ. Стащук и впрямь нашел палку, которой, будто шашкой врага, стал косить жгучие стебли. Зубило же с Валенком сняли куртки и через них рвали крапиву. Уже спустя пару минут вокруг черного зева пролома было чисто.

Кардан подошел к дыре. В нее при желании можно было пролезть – что неудивительно, один человек, пусть и невольно, это уже на себе испытал, – но с риском порвать одежду, а то и ободрать кожу. В любом случае, пыжиться и корячиться при подчиненных, протискиваясь в эту нору, хозяин города не собирался.

- Иванов, – сказал он Зубилу, а потом, чуть помедлив, вспоминая фамилию, Валенку: – Волынцев! Живо за ломами и лопатами! Одна нога здесь, другая там.

Зубило испуганно вздрогнул и торопливо засеменил к банку. Побледневший вмиг Валенок, замешкавшись на пару секунд, вскоре догнал и обогнал напарника.

- Чего это они? – удивленно посмотрел на Стащука Кардан.
- Так... это... – сглотнул парень. – Ты же так их... того...
- Чего – «того»? Ты можешь ясней выражаться? Учю вас, учю, вроде бы самых умных выбрал, а как дела коснется...

– Я могу ясней, – неуверенно пожал плечами Крыш, а потом вдруг вскинул голову и зачастил, будто приговоренный к казни, которому уже нечего терять: – Но мне, по правде

говоря, и самому страшно стало. Ладно, Серп, тот-то мог, а от тебя они... мы... такого не ожидали. Мы же и так за тебя, мы всё, что нужно сделаем, себя не пожалеем, а ты!..

Стащук замолчал и опустил голову, словно ожидая, что ее отсечет карающий меч правосудия. Но, во-первых, никакого меча у Кардана не было, а во-вторых, он чувствовал себя в этот момент полным идиотом.

– Что я сделал-то? – воскликнул он. – Андрей, объясни, я, правда, не понимаю! Чего вы от меня не ожидали, чем я вас так напугал?.. погоди... Вы что, подумали, что я за лопатами ребят послал, чтобы могилы вам вырыть?

– Какие могилы? – поднял голову и быстро-быстро заморгал Стащук. – Зачем?..

– Вот и я не знаю, зачем! – начал злиться Кардан. – А что тогда-то?

– Ты сказал, что ноги им отрубишь. И одну унесешь, а другую здесь оставишь.

– Что?.. – округлил глаза хозяин города, а когда до него дошел смысл услышанного, принялся хохотать, да так, что, покачнувшись, едва не повторил «подвиг» Гришина, с трудом удержавшись на самом краю пролома.

– Ну, вы и дурни, – покачал он головой, вытирая слезы. – Вас еще и пословицам-поговоркам, оказывается, учить нужно.

– Каким... поговоркам?.. – так и продолжал моргать Крыш.

– Русским народным, каким еще-то? «Одна нога здесь, другая там» – это одна из них. И означает она, что нужно пошевеливаться, сходить куда-то быстро.

– И не надо их отрубать?

– Ну, разве что ты очень сильно попросишь.

– Я не попрошу, – искренне пообещал Стащук.

– И этим двум скажи, чтоб не просили, – кивнул Кардан на приближающихся с лопатами и ломами Зубило и Валенка.

Потом главарь дал подчиненным задание расчистить проход в подвал, а сам уселся на травянистый бугорок, достал свой любимый блокнот и стал подводить итоги своего недолгого пока правления. В общем-то, Кардан был доволен тем, что удалось сделать за эти несколько дней. Главное – удалось избежать бунта. Вряд ли бандиты все до одного были согласны с тем, что хозяином города стал именно он, но до открытого неповиновения дело не дошло. Основную роль тут сыграла, конечно, команда его приближенных, которых Кардан грамотно распределил для контроля над происходящим в городе. Ну, а потом он сделал очевиднейшую, казалось бы, вещь, для которой не требовалось чего-то сверхъестественно сложного, но которой не додумался почему-то сделать Серп. Кардан всего лишь отправил людей в лес. Как свободных от караулов бойцов (бандитами даже про себя он их старался теперь не называть), так и немногочисленных гражданских из тех, кто еще мог переставлять ноги. Основной их задачей было собирать грибы и ягоды, а потом их сушить, создавая, таким образом, запас на зиму. Собрал Кардан и немногочисленный отряд охотников, взяв в него таких людей, которые хорошо умели обращаться с арбалетами и хоть как-то знали повадки зверей и птиц. Еще большую группу он отправил на реку ловить рыбу, благо отыскалось несколько человек, умевших вязать сети. Таким образом, практически без затрат ему более-менее удалось накормить лузян, дав им к тому же надежду, что и зимой зубы на полку класть не придется.

Разумеется, это стало для Кардана серьезным козырем в укреплении собственного авторитета. Люди видели, что он думает не только о себе, но и о них тоже. При этом, не в пример предыдущему лидеру, необузданной жестокости не проявляет, не сыплет направо и налево зуботычинами и оскорблениями, но и спуску провинившимся не дает. А поскольку народная мудрость, утверждающая, что «от добра добра не ищут», была близка практически каждому, то мысли о перевороте, смене власти и тому подобных безобразиях сошли среди

кардановских «монстров» почти на нет. И это при том, что он не раскрыл еще перед ними свои главные козыри!.. Впрочем, проход в подвал разрушенного магазина был уже расчищен, и хозяин города, убрав в нагрудный карман блокнот, оставил мысли о дальнейших планах на потом.

Кардан подошел к поджидающим его бойцам, велел Андрею Стащуку зажечь предусмотрительно взятый масляный фонарь и отправил его в пролом первым. Валенку-Волынцеву он приказал следовать за собой, а Зубило-Иванова оставил снаружи возле входа с заданием гнать прочь любого, кто проявит к этому месту излишнее любопытство.

Как уже говорилось, результат посещения подвала оказался совсем иным, чем ожидал Кардан. Причем выяснилось это почти сразу. Не успели еще глаза хозяина города монстров привыкнуть к окружившей его темноте, едва разбавленной колеблющимися отсветами язычка пламени внутри фонаря, как впереди раздался торжествующий крик Крыша:

– Вот они! Вот они, патроны! Целая коробка! Нет, вот еще! И еще!..

Кардан приблизился к склонившемуся над большой разорванной картонной коробкой бойцу.

– Отойди, – сказал он.

Стащук разогнулся и отодвинулся в сторону. Кардан запустил руку в коробку. Пальцы сразу нащупали продолговатые металлические цилиндрики. Сердце главаря забилося в радостном предвкушении: его самые главные планы получили такое вещественное подкрепление, о каком он и не мечтал!.. Но радость быстро сменилась сомнением – в своих пальцах Кардан ощущал именно цилиндр, без намека на заостренную головку пули.

Он быстро вынул исследуемый на ощупь предмет, выхватил из рук Стащука фонарь и поднес цилиндр к свету. На блестящей поверхности стала видна маркировка: латинские буквы давно забытой фирмы и надпись «ALKALINE Battery Size AA 1,5 V». Кардан матерился редко, но сейчас грязная брань вырвалась изо рта вопреки его воле. Он отшвырнул батарейку в темноту и повернулся к выходу.

– А что?.. – пробормотал стоявший рядом Крыш. – А... почему? Патроны же...

– А потому, – процедил Кардан. – Можешь эти патроны в жопу себе засунуть. Еще лампочки поищи – будешь на горшок с подсветкой ходить!

Сказал – да так и замер на месте. Батарейки хоть и не патроны, но тоже вещь далеко не бесполезная. Конечно, за столько лет они наверняка разрядились, но вдруг да не все и не полностью? В подвале на удивление сухо, груда развалин сверху защищала подвал как от дождей, так и от сильных морозов... Нет-нет, не стоит разбрасываться даже такими подарками судьбы! Наоборот, надо прошерстить весь подвал – вполне возможно, в нем найдется и много других полезных мелочей. С учетом, что в их теперешнем положении мелочей не бывает. Глядишь, если с умом подойти, то и батарейка выстрелит.

Все, что нашлось в закромах бывшей «Мальвины», перенесли в подвал банка. Конечно, многое вряд ли годилось к использованию, особенно с учетом отсутствия в Лузе электричества, но Кардан не мог бросить такое богатство, рассчитывая на то, что его инженерный ум найдет применение хоть чему-нибудь. Важнее всего было выяснить, остались ли «живыми» батарейки – хоть какое-то их количество. К счастью, в магазинном подвале удалось обнаружить несколько приборов, с помощью которых можно было измерять напряжение и силу тока. Кардан отобрал двух сообразительных бойцов, показал, что и как нужно делать, и посадил их проверять батарейки. Откровенно говоря, он не особо рассчитывал на успех, но, видимо, и в самом деле сыграло роль то, что подвал был все эти годы практически герметичным, в нем отсутствовала влага и температура не опускалась слишком низко. В итоге из

пары тысяч элементов питания удалось отобрать пару сотен батареек, которые еще держали заряд.

Первой мыслью Кардана было «оживить» с их помощью ноутбук, но он тут же отбросил эту идею: сколько проработает ноут – неделю, две? Ничего полезного с его помощью он всё равно сделать не успеет, а источников питания лишится. А вот использовать батарейки в диктофонах (двадцать штук, все работоспособные) – это было как раз то, что нужно. Можно было подумать: судьба подала очередной знак, наведя их на этот подвал. Ведь Кардан уже приглядел пятерых бойцов, которые должны были выполнить чрезвычайно важное поручение, игравшее практически ключевую роль в развитии его глобальных планов. Он бы отправил их на задание в любом случае, но диктофоны для его выполнения были поистине бесценной находкой – ведь эти пятеро должны были стать своего рода разведчиками, собирать устную информацию, а в этом деле человеческая память могла сработать куда хуже электронной.

* * *

Пятерых намеченных для разведки бойцов Кардан вызвал в свой кабинет, поставив у дверей со стороны коридора двоих патрульных с категорическим приказом никого внутрь не пускать, с какими бы важными известиями ни приходили.

Среди отобранной пятерки был и Сергей Калачев – тот самый Цапл, который отказался идти с Карданом свергать Сургуча. Было, конечно, рискованно использовать этого парня в столь серьезном мероприятии, но, во-первых, хозяйину города монстров импонировала его откровенность и смелость (любой ли решится ответить командиру отказом?), а во-вторых, Кардан видел в Цапле именно те черты характера и поведения, которые были очень важны в предстоящем деле.

Когда он велел освободить Калачева и доставить к себе, Цапл и подумать не мог, для чего он понадобился. Как не догадывались об этом и остальные четверо – один такой же, как и Цапл, двадцатилетний парень и трое бойцов постарше – одному было и вовсе за сорок.

Кардан велел вызванным садиться, сам же, напротив, встал из-за стола и принялся прохаживаться перед ними из стороны в сторону.

– Насколько я знаю, – начал он, – все вы неплохо ориентируетесь в лесу.

Бойцы – кто активно, кто с некоторой осторожностью – закивали.

– Это важно, – сказал Кардан, – поскольку в ближайшие дни вам придется побродить по лесам... Нет-нет, – предупредил он сами собой напрашивающиеся у подчиненных предположения, – я вас посылаю вовсе не на охоту и не за грибами-ягодами. Ваша задача будет куда сложнее. Вы должны будете подойти как можно ближе к Великому Устьюгу, посещая при этом все деревни, которые встретятся вам на пути. При этом ни в коем случае, даже под страхом смерти, вы не должны будете говорить, что вы из Лузы. Нет, вы тоже деревенские мутанты, пришедшие издалека. Можете назвать деревни нашего района, а лучше выдумайте, всё равно проверять никто не пойдет. Вы должны будете войти в доверие к местным и выяснить следующее...

После этого, сделав пометки в блокноте, Кардан вызвал трех человек, бывших при Серпе чем-то вроде личной прислуги. Им он задал весьма странный на их взгляд вопрос:

– Насколько я помню, Серп любил собак и даже содержал на окраине города что-то вроде псарни. Что сейчас с этими животными?

Прислужники бывшего главаря растерянно переглянулись. Кардан это заметил и хлопнул по столу ладонью:

– Говорите как есть! Что бы там ни было, я никого не собираюсь наказывать.

– Так это... – сглотнул один. – Кормить же их нечем было, вот и... – вновь стрельнул он взглядом в остальных.

– Я просил: как есть! – снова ударил Кардан по столу.

– Как есть и есть... – пробормотал еще один прислужник. – Съели их, собачек-то.

– Всех?

– Не, не всех, – замотал головой третий. – Они ж голодные были, злобные, как соба...

Ну, короче, всех не словили – больше половины убегли.

– Сколько именно?

– С десяток. Может, чуть поболее.

– Значит, так, – поднялся Кардан. – Всем свободным бойцам передайте приказ: отловить собак и вернуть на псарню. А отвечать за них будете лично вы.

– Так, а кормить-то их чем? – осмелился спросить один из троицы.

– Чем хотите! Хоть от себя куски отрезайте! – прорычал Кардан, но тут же смягчился: – Дам распоряжение охотникам, чтобы часть добычи отдавали вам. Да, еще... Сделайте к псарне пристройку, там других собачек будете держать.

– К-каких – других?..

– Волков. Их для вас охотники наловят. Срочно найдите их и скажите, что я их жду.

– Кого найти? Волков?! – На прислугу Серпа было трудно смотреть без смеха: бледные, с покрытыми каплями пота лицами, они отвесили челюсти и хлопали веками так, будто передавали этим морганием секретные сообщения азбукой Морзе.

– Охотников, болваны! – снова рассердился Кардан. – И живо давайте! Одна нога здесь... Короче говоря, рысью.

Прибывшим вскоре охотникам Кардан повторил то, что уже сказал прислужникам: поймать десятка два волков, отвести их на псарню и передать находящимся там людям. А также – отдавать в дальнейшем этим людям часть добычи для кормления животных. Если добычи будет мало, отдавать ее всю – люди и грибами-ягодами да рыбой обойдутся.

Наконец, Кардан отдал еще одно, не менее странное, чем предыдущие, распоряжение. Он велел запрячь в одну подводку лошадь и подать «экипаж» к зданию бывшего «Сбербанка».

Глава 6

За учителем

Саша и Венчик стояли на берегу Сухоны и поджидали Стёпика. Чуть поодаль прохаживались, озирая окрестности, двое патрульных в защитных костюмах, противогазах и с автоматами – Глеб ни в какую не позволил жене идти без охраны, тем более, что назад ей пришлось бы возвращаться одной.

Святая на сей раз сразу и полностью с ним согласилась, чего нельзя было сказать про ее отношение к Сашиной затее в целом. Не будь невестка беременной, ей бы ни за что не удалось уговорить свекровь. Особенно воспротивилась Святая тому, что «дикие» не просто должны были прибыть в Устюг, но еще и пользоваться ее библиотекой!.. Сцепились женщины крепко, но, как уже говорилось, помогло Саше только ее «особое положение». И всё равно девушке пришлось пойти на компромисс: Святая дала согласие на прибытие лишь одного ученика.

– Один! – выплюнула она, когда Саша, схватившись за живот, стала картинно, откровенно переигрывая, закатывать глазки, в то же время краешком их присматривая, куда бы упасть, чтобы не сильно ушибиться. – Нечего тут богадельню разводить! Научишь одного, а он пусть у себя других учителей готовит, учебники же теперь у тебя есть.

Последнюю фразу предводительница храмовников произнесла с явным сарказмом, но Саша этого, похоже, не уловила. Во-первых, она была несказанно счастлива, что свекровь дала «добро» на обучение хотя бы одного «дикого», а во-вторых, учебники теперь действительно были. Точнее, учебник, зато в количестве двадцати пяти (пока!) копий. И составила этот учебник Саша лично, чем она безумно гордилась.

Конечно, без помощи Пистолетца тут не обошлось – именно он, выполнив обещание, предоставил девушке изготовленный под его руководством морозовцами примитивный «печатный станок» с набором деревянных литер. Краску Саша смешала сама, используя выклянченное у Святой льняное масло и сажу, которой вокруг было столько, что только руку протяни да черпай. С бумагой теперь также проблем не было, а нарезать ее ровными блоками помогли те же морозовцы.

Вообще-то напечатали не двадцать пять, а тридцать экземпляров азбуки. Но пять из них Саша передала Деду Морозу – для обучения Нюры и Вовки, ну, и вдруг кто из взрослых морозовцев к учебе потянется. Представлял же собой учебник, в котором и насчитывалась-то лишь пара десятков страниц, элементарную азбуку с несколькими примерами на каждую букву: «А – азбука, анекдот». (Кстати, именно со словами на эту, казалось бы, самую легкую букву, Саша провозилась дольше всего. Не напишешь же «диким» мутантам «автомат» с «арбалетом» – озлобиться могут, да и цензура в виде Святой не пропустит. А всякие там «апельсины» с «ананасами» они и не нюхивали, так что хоть их, хоть «аббатство» и «абerrацию» пиши – для учеников всё одно бесполезно будет.) «Б – береза, букет; В – веревка, ведро» и так далее.

Но больше всего Саша гордилась тем, что после азбуки она поместила в учебник придуманную лично ею сказку. Девушка так увлеклась, ее сочиняя, что насилу остановилась – хорошо, Глеб зашел вовремя, а то бы книжка получилась весом с кирпич.

Называлась же сказка вполне безобидно: «Зайчик». И представляла она собой следующее...

ЗАЙЧИК

Отстал как-то зайчик от стада. Идёт он по лесу и плачет горькими слезами. Только на самом деле слёзки его были не горькими, а кислыми, потому что в зайкиных глазках соляная кислота вырабатывалась. Но самому зайчику кислота не страшна, он ведь толстой чешуёй покрыт.

Идёт зайчик, плачет, а навстречу ему лиса: «Здравствуй, зайчик! Ты зачем природу портишь? Где ты прошёл, вся травка пожелтела да скукожилась! Я бы тебя съела за это, да только я об твою чешую зубы поломаю, и глаза об твои рога выколю. Мутант ты, а не зайчик!»

«Ты сама мутант, лисичка, – говорит ей зайчик. – У тебя и шерстки-то рыжей почти нигде не осталось, не сразу и углядишь. И глаза ты свои не выколешь, потому что глаз у тебя всего один, да и тот сзади».

«А это не глаз, – говорит ему лиса. – Это так, злых зверей пугать. А настоящие мои глазки так хорошо спрятаны, что тебе не найти – ни за что не догадаешься, что там глаза быть могут».

Беседуют зайчик с лисичкой, а из куста выползает медведь. «Кто тут мутант? – шипит он. – Вы, что ли? А я медведь. Вот я вас!»

Посмотрели заяц с лисой на мишку и ахнули. «Почему ты решил, что ты медведь? – спрашивают. – Где у тебя что от медведя-то? Где у тебя вообще что, для чего туда приделано и как называется?»

Зачирикал тогда мишка смущенно, крылышки поджал и говорит: «Глупые вы, непутёвые! Ничего-то вы не знаете, не понимаете. Это всё потому, что вы неграмотные, читать не умеете. Потому вы и мутанты. Ведь не тот мутант, кто рожицей не вышел, а тот, кто о грамоте не слышал!»

Стыдно стало лисичке с зайчиком. «А где нам грамоте научиться? – говорят. – Помоги нам, странный медведик!»

Пощёлкал медведь клювами, да и отвел лису с зайцем в школу.

Саша уже собиралась подробно раскрыть будущим читателям процесс обучения в лесной школе и поведать о дальнейшей жизни каждого из грамотных зверей (двадцать семь особей, включая зайчика и лисичку), но тут как раз и вмешался Глеб.

Прочитав сказку, он хмыкнул:

– А не слишком это будет заумно для «диких» мутантов?

– Вот и ты туда же! – вскипела Саша. – Для тебя «дикие» тоже не люди, а какие-то безмозглые создания! Что в моей сказке заумного?

Глаза девушки наполнились слезами, и Глеб пошел на попятную:

– Нет-нет, у тебя всё очень правильно и понятно написано! Просто я думал, что для начинающих будет доступнее какой-нибудь более простой текст – что-то вроде «мама мыла раму»...

– Раму ему подавай!.. – смахнув слезы ладонью, буркнула Саша, когда супруг удалился. И дописала к сказке еще одно предложение: «Закончил зайчик школу, нашёл своё стадо и говорит маме: “Я теперь грамотный. А ты раму не мыла!”».

* * *

И теперь все двадцать пять экземпляров азбуки лежали в висящем за плечами Венчика мешке. Поначалу Саша сомневалась, стоит ли именно сейчас отправлять их «диким», ведь

уроки теперь продолжатся не скоро. Но, поразмыслив, решила: пусть! Даже если всего пара человек попробует в них что-то прочесть – и то дело. А посмотреть из любопытства желающих наверняка будет куда больше. Вдруг у кого-то это любопытство не угаснет и потом, когда обученный ею «дикий» возобновит в деревнях учебный процесс? Все указания парню она давно уже повторила раз десять: облететь все четыре деревни, где она уже вела уроки, раздать «диким» учебники, а главное – протестировать ее учеников, выбрать на его взгляд лучшего и предложить обучение в Устюге. Правда, Саша, вспоминая всех, с кем ей довелось поработать, и сама-то не смогла бы сказать, кто из учеников лучший. Грамота давалась «диким» туго. Но девушка убеждала себя, что дело здесь не в их ограниченности, а во множестве сопутствующих факторов, ожидаемых и неучтенных обстоятельств. Для начала, она сама не являлась профессиональным преподавателем. А «дикие» мутанты, в первую очередь молодые, в большинстве своем до недавнего времени вообще не имели представления, что такое книги, а то и вовсе за свою жизнь не видели ни одной буквы. То есть, их не просто нужно было научить читать и писать, а для начала объяснить, что это вообще такое. Срабатывал еще и фактор страха – ведь всё новое, как правило, поначалу пугает. Некоторые мутанты, сперва заинтересовавшиеся было ее уроками, перестали на них приходить – то ли учеба показалась им чересчур сложной, то ли они решили, что всё это лишь пустая трата времени, и полученные знания им никогда не пригодятся. Так, кстати, считали многие «дикие»; Саша не раз вспоминала слова, сказанные ей старой «дикой» мутанткой теткой Клавой: «Какой теперь с этого прок? На старости лет книжки читать, которых тоже нету? Зачем старикам грамота? Недолго уже осталось до того, как не станет на свете «диких» мутантов».⁶ Еще тетка Клава тогда сказала, что куда лучше было бы, если бы Святая разрешила «диким» не книги читать, а иметь детей. Но и сама мудрая пожилая женщина понимала, и Саша, к огромному сожалению, тоже, что Святая ни за что этот запрет не отменит, хотя в дальних планах девушки этот вопрос всё равно значился. Вот родит Святой внука, та, с ним понян-чась, растает, тогда и можно будет подкатить, давя на жалость: дескать, ты с ребеночком тетешкаешься, а других такого счастья лишаешь!.. Но это потом, сейчас по плану была на очереди грамотность. Скрепя сердце, девушка вынуждена была признать, что умение читать и впрямь едва ли пригодится всем «диким». Но она всё равно была убеждена в том, что любой человек просто обязан быть грамотным и уж, во всяком случае, должен иметь возможность таковым стать.

⁶ См. роман автора «Метро 2033: Подземный Доктор».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.